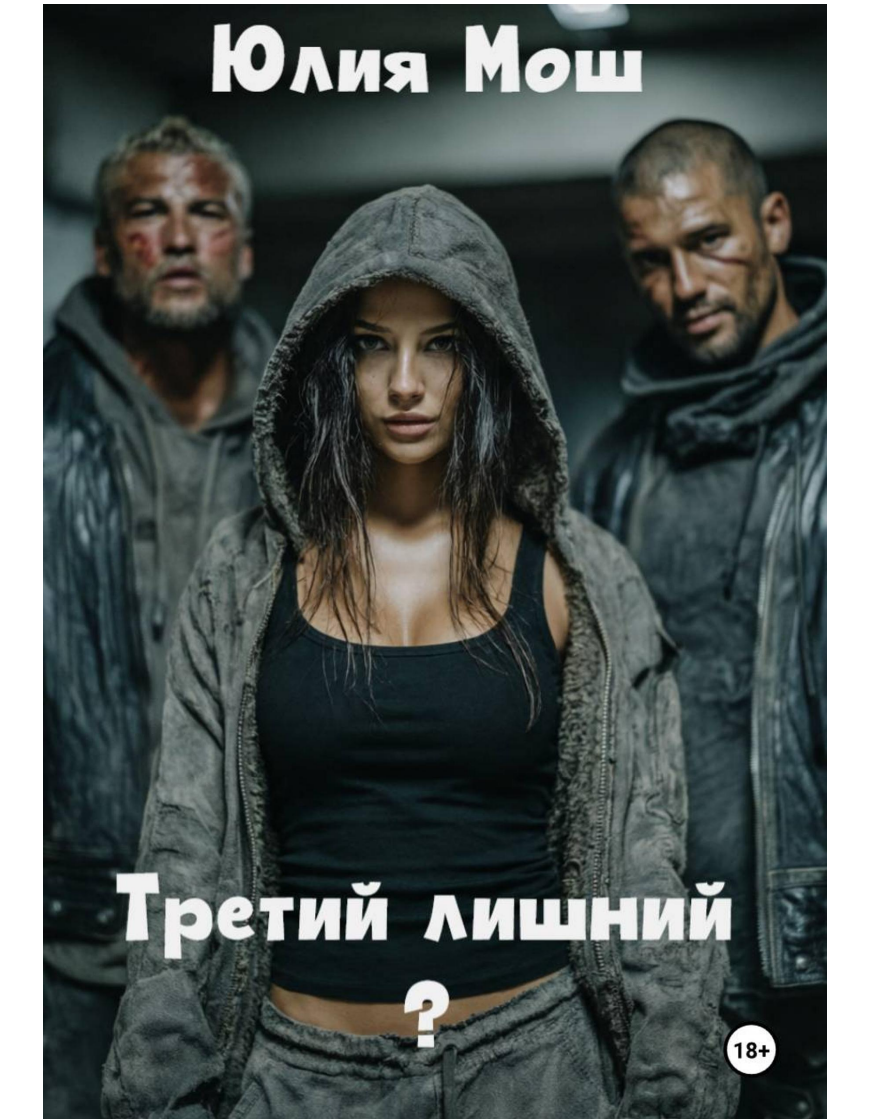

Юлия Мош

Третий лишний
?

18+

Юлия Мош

Третий лишний?

<https://litres.ru/73733801>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был для меня воплощением идеала, пока я случайно не спустилась в его гараж и не увидела в самом дальнем углу его брата — узника, прикованного тяжелыми цепями к холодной бетонной стене.

Освободив пленника, я совершила фатальную ошибку. Я попала в жернова двух братьев, чья любовь ко мне граничит с безумием, а ненависть друг к другу не знает границ. Оба они — хищники, одержимые мною до потери пульса, готовые сжечь этот мир дотла, лишь бы удержать меня у своих ног. Либо они уничтожат друг друга, либо я стану той разрушительной силой, которая сметет их обоих.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 12	81
Глава 13	87
Глава 14	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Юлия Мош

Третий лишний?

Глава 1

Лана

Этот город был именно тем, где время решило остановиться где-то между началом двухтысячных и вечным провинциальным застоем. Для меня, ландшафтного дизайнера с амбициями и списком проектов в столице, этот заказ был временным пристанищем. Способ заземлиться и, наконец, прийти в себя после разрыва с бывшим, который выпотрошил мои нервы, а еще вылечить творческое выгорание.

Здесь всё было иначе: воздух, пропитанный хвоей и влажной землей, тишина, такая глубокая, что в ней звенело в ушах, и Роман.

Роман не вписывался в провинциальный пейзаж. Он был безупречен. В свои тридцать с небольшим он владел здесь всем: от строительных компаний до ресторанов. Но со мной он был иным. Никакого доминирования, никаких властных приказов. Он был той самой тихой гаванью, которую я искала: приносил кофе по утрам, слушал мои жалобы на нерадивых рабочих, бесконечно терпел мои перепады настроения. Первый месяц наших отношений пролетел как один длин-

ный, уютный вечер.

В этот день я сорвалась в лес спонтанно. Вдохновение для сада в усадьбе никак не приходило, и я решила, что только дикая природа сможет вытянуть из меня что-то стоящее.

Я забрела далеко. Дальше, чем стоило бы. Лес здесь был густым, старым, с вековыми соснами, чьи кроны переплетались так плотно, что небо превращалось в узкие полоски синевы. Я нашла небольшую поляну, где солнечные лучи пробивались сквозь листву, создавая на траве причудливый узор. Расстелила плед, достала планшет, налила себе чаю из термоса.

Телефон завибрировал в сумке. На экране высветилось: «Рома».

Я улыбнулась, поправляя выбившуюся прядь волос, и ответила:

– Привет, Ром, как дела?

– Привет, Лана, – его голос, как всегда, бальзамом лег на душу. – Отлично. Ты где сейчас? Заехал к тебе забрать ключи от офиса, но тебя нет.

– Я решила выбраться в лес, – я сделала глоток чая, жмурясь от комфорта. – Мне нужно вдохновение для той зоны у пруда. Тут так чудесно, Ром, ты даже не представляешь.

– В какой лес ты поехала? – его голос резко изменился. Он не стал грубым, но в нем прорезались нотки, которых я раньше не слышала – сталь и жесткость.

– Да так, за старым тепличным хозяйством, – отмахнулась

я, лениво чертя стилусом линию аллеи на экране. – Не переживай, я тут часто бегала в детстве, помню каждый куст. Я не заблужусь.

– Лана, – он произнес моё имя с какой-то пугающей четкостью. – Сейчас же собирай вещи и уходи оттуда. Немедленно.

Я нахмурилась, отрываясь от экрана. Мой Рома – тот самый мужчина, который даже голос никогда не повышал, – сейчас звучал как командир перед расстрелом.

– Ром, ты чего? Ты сейчас как мой отец звучишь, честное слово, – я фыркнула, чувствуя, как внутри закипает привычное упрямство. Командовать мной – плохая затея, а уж тем более сегодня, когда я наконец-то начала ловить нужную волну. – Я погуляю еще полчаса и вернусь.

– Лана, я не шучу, – он едва не рычал в трубку, и это рычание показалось мне очень странным. – Там участились нападения волков. Местные власти уже предупреждали о заходах на территорию. Есть пострадавшие, люди напуганы. Ты меня слышишь? Это опасно!

– Ой, Рома, не будь занудой, – я закатила глаза, глядя на безобидные сосны вокруг. – Тут и раньше были волки. Я их видела, обычные пугливые бедолаги. У меня есть перцовый баллончик, я справлюсь.

– Лана, от волков твой баллончик не поможет! – он уже перешел на крик, и я почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Мой уютный, тихий Рома сейчас виб-

пировал от ярости. – Скинь мне геолокацию, быстро!

– Ладно, Боже, не кипятись! – я раздраженно отправила ему точку на карте и нажала на красную кнопку «сбросить».

Телефон затих. Я отложила его, чувствуя, как настроение, такое солнечное еще минуту назад, испортилось окончательно.

– Зануда, – пробурчала я себе под нос, возвращаясь к чертежам.

Я не заметила, как солнце перевалило за вершушки сосен, превращая золотистые блики в длинные, костлявые тени. Лес, который час назад казался уютной колыбелью, вдруг стал похож на декорации к фильму ужасов. Стало слишком тихо. Так тихо, что я слышала собственный пульс – он стучал в висках набатом, отсчитывая секунды, которых у меня, кажется, не осталось.

– Рома, чтоб тебя, – прошептала я, чувствуя, как внутри закипает глупое, почти детское раздражение. Оно было моим спасательным жилетом. Если я злюсь, значит, я жива и контролирую ситуацию. Зануда сбил весь настрой.

Я сложила планшет, небрежно засунула стилус в чехол. Руки слушались хуже, чем обычно. Пальцы казались чужими, онемевшими. Краем глаза я уловила движение. Что-то массивное шевельнулось в тени старой ели, там, где стволы деревьев сплетались в непроглядную темную стену.

Две искры. Оранжевые, почти янтарные, они не мигали, а сверлили меня насквозь.

Я попыталась отступить, пятясь к кромке поляны, но левой ногой запуталась в корнях сосны. Вскрикнув, я полетела назад, планшет с глухим стуком упал на траву, а баллончик выскользнул из дрожащих пальцев и покатился в сторону, исчезая в высокой траве.

Зверь не бежал. Он будто вытек из тени, словно расплавленная смола. Огромный, почти размером с пони, черный волк накрыл меня собой прежде, чем я успела выдохнуть. Удар сбил с меня весь воздух – легкие сжались, превратив вдох в немой, беспомощный хрип. Мир на мгновение перевернулся, превратившись в месиво из коры, земли и запаха мокрой шерсти.

Он навис надо мной, прижав к земле своим весом, да так, что ребра протестующе хрустнули. Я оказалась в ловушке, зажатая в узком пространстве между его могучими лапами, вдавленная в грязь. Пыталась вдохнуть, но грудь была скована тисками.

Воздух стал густым, тяжелым. От него пахло прелой хвоей, сырой землей и какой-то дикой, концентрированной яростью. Я судорожно пыталась разглядеть хоть что-то, кроме его груди, которая поднималась и опускалась в такт тяжело-му, рваному дыханию. Каждое такое движение сотрясало всё мое тело.

Его морда опустилась медленно, почти гипнотически. Это были не глаза зверя, не глаза хищника, который собирает-ся рвать плоть. В них было что-то пугающе разумное, ка-

кая-то первобытная, почти человеческая мука. Он не рычал. Он изучал.

Его пасть была приоткрыта, обнажая клыки, белые и острые, как кинжалы. С верхнего клыка сорвалась прозрачная, тягучая капля слюны.

Его глаза... Боже, эти глаза. Они были не просто янтарными – в них застыла холодная ярость. В самом центре зрачка пульсировал нездоровый, почти электрический свет. Казалось, будто там плясали искорки. Он смотрел на меня не как на что-то живое, а как на досадную помеху на своей территории или как на ужин.

Его пасть была приоткрыта, обнажая клыки, белые и острые. С верхнего клыка сорвалась прозрачная, тягучая капля слюны. Она медленно потянулась вниз, повисла на кончике, блестя в скудных лучах закатного солнца, а затем сорвалась, смачно шлепнувшись мне прямо на скулу, чуть ниже глаза. Горький, едкий запах крови и дикого зверя ударил в нос, заставляя желудок сжаться в спазме.

Я замерла, боясь даже выдохнуть. Внутри всё превратилось в звенящую струну, готовую лопнуть от одного неверного движения. Его дыхание – жаркое, мощное, прерывистое – обдавало моё лицо, заставляя кожу покрываться мурашками. Это был страх, сковывающий и парализующий. Каждое движение его грудной клетки, раздавшейся вширь передо мной, казалось ударом колокола. Я видела каждую волосинку на его густой, жесткой шерсти, сбившейся от бега и

влаги.

Обоняние, против воли, впитывало этот запах – запах мокрого меха, перебиваемый чем-то гнилостным, вызывающим у меня тошноту.

Он сделал короткое движение челюстями, щелкнув зубами прямо у моего лица, и звук этот прозвучал как приговор. Он принялся. Его нос дернулся, втягивая мой запах – запах страха, запах парфюма, запах моей кожи. И, судя по тому, как его шерсть на загривке встала дыбом, а гортанный рык стал только громче, мой аромат ему не пришелся по вкусу.

Звук ломающихся веток прорезал воздух, как выстрел. Волк вздрогнул, его огромная головарезко дернулась в сторону шума. Я, все еще прижатая к земле его чудовищной массой, тоже скосила глаза.

В десяти метрах от нас, среди папоротников, стоял Рома. Мой уютный, по-домашнему мягкий Рома. Но сейчас он выглядел иначе. Его безупречный пиджак был расстегнут, галстук свисал набок, а лицо... Боже, я не знала, что человеческое лицо может исказиться до такой степени. В его глазах, обычно теплых и внимательных, полыхала тревога. Он не выглядел напуганным. Он выглядел как хищник, встретивший соперника.

– Яр, не надо. Оставь её. Уходи, – голос Романа звучал низко, вибрирующе, словно он говорил сразу двумя голосами.

Зверь надо мной издал утробное, клокочущее рычание. Его когти, размером с кухонные ножи, вонзились в мягкий мох прямо у моих плеч, оставляя глубокие борозды. Он не спешил уходить. Он медленно обернул голову, глядя на Романа, и в этой тишине я почувствовала, как между ними пробегают искра – невидимая, но осязаемая, холодная и острая, как лезвие.

– Яр, я не хочу тебя убивать, – голос Ромы стал тише, опаснее. – Но если надо – я сделаю это.

Он сделал медленный, пружинистый шаг вперед. Его рука, до этого скрытая за спиной, теперь четко фиксировала тяжелый черный пистолет. Ствол смотрел прямо на волка. Мое сердце пропустило удар, а потом забилося так часто, что я испугалась – не выдержу, умру прямо здесь, под этой горой черной мыши и ярости.

Волк медленно опустил морду обратно к моему лицу. Он тяжело, прерывисто дышал. Его дыхание было опаляющим, пахло не только кровью, но и какой-то дикой, древесной горечью. Он принюхался. Еще раз. Глубокий, тягучий вдох, от которого его бока ходили ходуном.

В этот момент я увидела его глаза в упор. Прямо в мои. Его зрачки, огромные и черные, начали стремительно расширяться, поглощая янтарную радужку, а потом снова резко сузились до булавочных головок. В этом взгляде больше не было желания сожрать меня. Там была... растерянность? Или шок? Он наклонил голову, все еще глядя на меня не от-

рываясь.

А потом вдруг запрокинул голову, и лес содрогнулся. Его вой был не просто громким – он был надрывным, полным такой первобытной, вселенской тоски, что по моей коже прошел мороз, а в груди что-то болезненно дернулось.

Я вжала голову в плечи, зажмурилась до искр в глазах, ожидая острой боли или удара. Затаила дыхание, приготовившись к концу.

Секунда. Две. Пять.

Тишина.

Я рискнула открыть один глаз. Волка над собой не было. Только примятая трава, клочок черной шерсти, зацепившийся за мою кофту, и тихий шелест листвы. Зверь прыгнул – мощно, неуловимо, – и исчез в непроглядной чаще, оставив после себя лишь резкий, въедливый запах леса и страха.

Я лежала на спине, глядя в небо, которое заслоняли верхушки сосен. В ушах звенело от эха его воя.

– Лана! – Рома сорвался с места, подлетел ко мне в два прыжка, выронил пистолет на траву и упал на колени, перехватывая мои руки. Его пальцы были ледяными, но он сжимал их так отчаянно, будто пытался приклеить меня к реальности. – Милая, ты цела? Он тебя тронул? Где болит?

Я смотрела на него, и эта странная, парализующая сцена в лесу казалась безумием. Он плакал. По щеке моего сдержанного, расчетливого Ромы катилась одинокая, горькая слеза, а губы беззвучно шептали какие-то молитвы или проклятия.

Я чувствовала, как трясется его тело, как безумно стучит его сердце под тонкой рубашкой.

Я приподнялась, чувствуя, как ноют сбитые о корни локти, и коснулась его лица. Пальцы наткнулись на щетину и мокрый след.

– Я... я в порядке, Ром, – прошептала я, но голос сорвался. В глазах начало двоиться. – Он не тронул. Он просто... смотрел.

Рома притянул меня к себе, прижимая так сильно, что я едва могла дышать. Он уткнулся лицом в мою шею, и я почувствовала, как он судорожно, почти болезненно втягивает мой запах.

– Больше никогда, – хрипел он мне в ключицу. – Слышишь? Никогда ты не пойдешь в этот лес одна. Ты моя. Ты только моя.

Глава 2

Встреча с Романом случилась в обычный дождливый день, который казался мне бесконечным. Я сидела в старой кофейне на главной площади города, окруженная горой чертежей, набросков нового проекта и образцами камня. В тот момент я чувствовала себя не просто усталой – я была абсолютно неприкаянной, словно город был мне чужим, а стены кофейни давили на плечи. Когда я резко дернулась, чтобы проверить записи, мой стакан с водой опрокинулся. Вся влага мгновенно впиталась в бумагу, превращая часы моей работы в нечитаемую черную кашу. От бессилия, от накопившейся за месяцы скорби по бабушке и от глупости ситуации у меня на глаза навернулись слезы.

Прежде чем я успела схватить салфетки, чтобы хоть как-то спасти ситуацию, передо мной оказались чьи-то руки. Они были безупречно чистыми, с аккуратными ногтями, и действовали очень ловко, бережно собирая размокшие эскизы.

– Простите, я, кажется, нечаянно задел ваш стол, – произнес низкий, спокойный голос.

Я подняла голову и увидела его. Он был высоким, подтянутым, одетым в простой, но качественный кашемировый джемпер. В его взгляде не было ни капли насмешки или раздражения – только искреннее внимание и готовность помочь. Он присел на стул напротив, не дожидаясь приглаше-

ния, но сделал это так естественно и ненавязчиво, что я даже не подумала возразить.

– Вы не виноваты, это была моя оплошность, – пробормотала я, пряча покрасневшие глаза.

– Давайте назовем это приятным беспорядком, – улыбнулся он. Его улыбка была мягкой, без какой-либо тени фальши. – Я – Роман. И, кажется, я тот самый человек, которому очень нужен дизайнер, способный видеть красоту в случайностях.

Так началось наше знакомство. Роман действовал совсем не так, как столичные заказчики, привыкшие оценивать всё лишь деньгами и скоростью. Он был человеком старой закалки, внимательным к деталям, которые другие обычно пропускали мимо ушей.

Вся последующая неделя превратилась в череду изысканных, но простых ухаживаний. В его действиях не было напора или показного блеска. В офис мне курьер привозил латте с корицей и запиской: «Для вдохновения, чтобы эскизы сегодня были еще прекраснее». По вечерам он ждал меня у подъезда. Он никогда не навязывал свое общество, не требовал немедленного внимания – он просто появлялся в моей жизни в самый нужный момент.

На прогулках по старым заброшенным паркам он не пытался произвести впечатление своими деньгами или положением. Рома просто слушал. Я помню, как однажды вечером мы стояли у реки, и он заметил: «Ты смотришь на мир

так, словно хочешь его вылечить». Он аккуратно поправил воротник моего плаща – прикосновение было легким, едва ощутимым, но от него по телу пробежала волна тепла. Он помнил все мои рассказы: названия цветов, о которых я мечтала, старые истории о бабушкиной даче, мои страхи перед будущим. Он приносил редкие антикварные книги по архитектуре, находил растения, о которых я упоминала лишь мельком, и умел молчать рядом так уютно, что слова становились лишними.

Наше первое свидание было простым, без всякого пафоса. Он заехал за мной на своем мощном внедорожнике – обычный, спокойный мужчина в джинсах и обычном джемпере. В руках у него был скромный букетик нарциссов, купленный, как мне показалось, у старушек, что было невероятно мило. Весь вечер он проявлял удивительную заботу: как только мы вышли из машины, он открыл передо мной дверь, придерживал меня за локоть на неровных дорожках парка, постоянно спрашивал, не холодно ли мне.

Однажды мы доехали до старой ротонды, закрытой для обычных посетителей. Там он достал из багажника большой термос с горячим чаем и простое печенье. Когда солнце село и стало прохладно, он молча достал из машины теплый плед и накинул мне на плечи. В этот момент я чувствовала себя самой значимой женщиной в мире. В его заботе не было ни капли фальши. Я чувствовала себя так, будто наконец-то встретила родного человека, который хочет только одного –

чтобы мне было хорошо.

Роман был воплощением почтительности. Он никогда не торопил меня с близостью. Это проявлялось в мелочах: в том, как он держал меня за руку – крепко, надежно, но совсем не давяще, – в том, как осторожно убирал прядь волос с моего лица. Он постоянно следил за моей безопасностью, стараясь идти со стороны проезжей части, когда мы выбирались в город. Это было настолько естественной привычкой, что я непроизвольно расслаблялась рядом с ним, доверяя ему все больше.

Помню, как однажды он заметил, что я слишком устала после рабочего дня, и просто приехал ко мне с готовым домашним ужином. Он достал из багажника сумку с едой, приборы и даже свечи, которые мы зажгли прямо на капоте машины в тихом парке напротив дома. Мы слушали приглушенную музыку, ели простую домашнюю еду и говорили обо всем на свете. Это было так просто, без всякой роскоши, но в этом было столько тепла, что я чувствовала себя абсолютно нужной и защищенной.

Я думала, что нашла своего принца – того самого надежного мужчину, который никогда не позволит миру причинить мне боль. Роман был идеальным. Он создал вокруг меня целый кокон из заботы, в который я нырнула, даже не осознав, насколько глубоко. Я была ослеплена этой вежливостью, этим вниманием, этой показной искренностью. Каждое его действие было продуманной стратегией. Он шаг за

шагом входил в мою жизнь, становясь единственным человеком, на которого я могла опереться, чтобы в нужный момент полностью лишить меня выбора и контроля над собственной судьбой. Я видела в нем друга, спасителя, а за этим фасадом скрывались совсем другие цели, о которых я даже не догадывалась в те тихие вечера, полные чая, печенья и пустых обещаний.

Роман умел создать вокруг меня мир, где не было места тревогам. Это не было навязчивым преследованием – скорее, он возникал в моей жизни именно тогда, когда я больше всего нуждалась в поддержке, словно чувствовал мое состояние на расстоянии.

Его забота проявлялась в мелочах, которые другие мужчины часто упускали из виду. Помню, как однажды вечером, когда я возвращалась после долгого дня в студии, меня застал сильный ливень. Я стояла у входа в метро, пытаюсь вызвать такси, но все машины были заняты. Вдруг рядом остановился его черный внедорожник. Роман не просто предложил подвезти – он вышел из машины с большим зонтом, который был у него, дошел до меня по лужам, прикрыл от дождя и помог сесть в салон. Там, на переднем сиденье, меня уже ждал мягкий плед и пахнувший корицей чай в термосе. Он даже не спросил, почему я задержалась, он просто молча включил печку на полную мощность и повез меня домой, всю дорогу рассказывая какие-то забавные истории из своего детства, чтобы отвлечь меня от усталости.

Он обладал удивительным даром – делать так, чтобы я чувствовала себя в центре его личной вселенной. У него была привычка дарить мне вещи, которые имели смысл. Однажды он принес мне старую, с пожелтевшими страницами книгу о ландшафтном дизайне, которую нашел на аукционе в другом городе. «Ты говорила, что ищешь редкие схемы устройства садов XVIII века», – сказал он с той самой скромной улыбкой, от которой у меня внутри всегда всё таяло. Он ценил мой ум, мой профессионализм и мои амбиции. Вместо того чтобы просить меня бросить работу ради него, он, наоборот, обустроил в одной из комнат его усадьбы уютный кабинет с большим окном, чтобы мне было удобнее проектировать мой «философский сад».

Мне нравилось наблюдать за тем, как он общается с окружающими. В доме, в который он меня приглашал, он всегда был сдержан, вежлив и невероятно обходителен с персоналом. Степан, его управляющий, относился к Роману с таким глубоким уважением, что это невольно передавалось и мне. Роман никогда не повышал голоса, всегда говорил спокойно, взвешенно, с какой-то внутренней уверенностью, которая меня успокаивала.

Он был невероятно тактилен, но в этой тактильности всегда содержалось уважение к моим личным границам. Роман никогда не позволял себе ничего лишнего без моего согласия. Тот вечер, когда я впервые осталась у него, запомнился мне как самый нежный момент в моей жизни. Мы сидели у

камина — он сам напилил дров, сам разжег огонь, запах горелой березы наполнял комнату. Он тихо читал мне вслух, а я лежала, положив голову ему на колени. Его рука всё это время — медленно, ритмично — гладила меня по волосам. Я чувствовала себя настолько защищенной, что впервые за долгое время позволила себе по-настоящему уснуть, зная, что этот человек не позволит ничему плохому нарушить мой покой.

Мы могли часами обсуждать философию, музыку, дизайн, просто смотреть на ночное небо. Его эрудиция никогда не была давящей; он не пытался казаться умнее меня, он всегда подчеркивал, как ему интересно мое мнение. Если я в чем-то сомневалась, он становился моей опорой. Он не говорил «сделай так», он мягко подводил меня к решению, давая почувствовать, что это был мой собственный выбор.

Роман был тем типом людей, которые помнят всё. Он помнил, что я люблю сахар в кофе, но кладу его только пол-ложки. Он знал, что у меня иногда болит голова от долгой работы за компьютером, и поэтому всегда держал в аптечке моей сумки нужное средство. Он знал название моего любимого парфюма и однажды, просто так, без повода, подарил мне флакон, сказав, что этот аромат ассоциируется у него с чистотой и уютом.

Глава 3

Роман

Телефонный разговор с Ланой до сих пор отдавался в ушах пульсирующим звоном. Когда она сказала, что находится за старыми теплицами, мир вокруг меня внезапно сузился до размеров её безопасности. Я сбросил вызов, не дожидаясь её ответов, и рванул с места так, что кресло в кабинете опрокинулось, а бумаги разлетелись по всему офису.

Я не шел – я бежал, чувствуя, как внутри меня, под лопаткой, скребется мой зверь. Он был на взводе. Он чувствовал то же самое, что и я: запах опасности, исходящий от той части леса, которая уже полтора года принадлежала не мне.

Мой брат. Ярослав.

Мы не разговаривали с того самого дня. Я виноват – я знаю это каждое утро, когда просыпаюсь, и каждую ночь, когда пытаюсь забыться сном. Я не просто нарушил наши границы, я разрушил нечто такое, что невозможно собрать заново. Я превратил свое молчание в стену, а свою вину – в дистанцию. Ярослав не стал искать компромиссов. Он просто ушел, унеся с собой свою боль, которая за полтора года превратилась в нечто гораздо более темное и страшное, чем просто гнев.

Я несся по лесным дорогам, забыв про правила, про бизнес, про приличия. Шины визжали на поворотах, срывая

грунт. Когда я вбежал на поляну, сердце пропустило удар, а затем забилося с такой частотой, что в глазах потемнело.

Она лежала на земле. А над ней – огромная, черная, подавляющая масса моего брата.

Ярослав больше не был человеком. В этом существе, терзающем мою женщину своим присутствием, почти не осталось того Яра, с которым мы делили один кров и один хлеб. Он одичал. Его шерсть клочьями торчала на мощных боках, глаза горели нездоровым, лихорадочным желтым огнем – огнем, в котором сгорело всё человеческое.

– Яр, не надо, оставь её. Уходи, – мой голос дрожал. Я старался звучать ровно, как учил нас отец, как учил нас наш статус, но внутри меня кричало существо, которое было готово проломить череп брату ради Ланы.

Он рычал. Звук шел из самой глубины его груди – низкий, kloкочущий, полный ненависти ко всему миру, и особенно ко мне. Он смотрел на Лану, и я видел, как его тело напряжено, как зверь внутри него уже выбрал цель. Убить её, чтобы причинить мне боль? Или просто разорвать чужака, чтобы очистить лес?

– Яр, я не хочу тебя убивать, но если надо – я сделаю это, – я выхватил пистолет. Пальцы сжимали рукоять так сильно, что костяшки побелели.

К счастью, он ушел, не причинил ей боль, а просто отступил. Но Яр не из тех, кто упускает добычу, что-то было не так, но я подумаю об этом позже.

– Почему ты назвал волка Яром? – снова тихо спросила Лана, глядя на свои подрагивающие руки, когда мы уже ехали в машине.

Я вздрогнул. Этот вопрос был как удар под дых. Я так надеялся, что этот момент удастся проскочить, но она слишком наблюдательна. Я крепче вцепился в руль, чувствуя, как внутри снова поднимается волна глухой, разъедающей тоски. Ярослав. Мы не называли друг друга так уже целую вечность. Для всех он был просто Зверем из леса, легендой, которую боялись в округе.

– Понимаешь... – я подбирал слова, как опасные осколки стекла, стараясь не выдать, как сильно у меня дрожит голос. – Он был домашним. После смерти хозяина сбежал и одичал. Но он чертовски умен, Лана, он всё понимает, просто... сам решает, слушать или нет.

Эти слова были ложью, завернутой в обертку правды. Яр не был чьим-то псом. Он был человеком, моим братом, который просто перестал справляться с тем огнем, что жег его изнутри.

Лана медленно повернулась ко мне. Её глаза, всё ещё расширенные от остаточного шока, пристально изучали моё лицо.

– Ты говоришь о нем как о человеке, – задумчиво произнесла она.

– Да, наверное, ты права, – я с трудом сглотнул, чувствуя, как в горле застревает ком. – Я знал его ещё щенком. Поэто-

му... поэтому просто не могу его убить. Даже если он стал монстром.

Мой голос прозвучал глухо, почти жалко. Я знал, что это звучит как бред, но что я мог сказать? «Милая, тот зверь, который чуть не разорвал тебя, – это мой родной брат, которого я предал ценой жизни его пары»? Нет. Я никогда не смогу ей признаться.

Я бросил на неё быстрый взгляд. Лана была бледной, растрепанной, пряди волос прилипли к щеке, а на ключице виднелся грязный отпечаток лапы – след его присутствия. От одного этого зрелища внутри меня вспыхнуло пламя, которое не имело ничего общего с уютом. Это была ярость. Ярость на Яра, на себя, на этот чертов лес, который так близко подобрался к единственному человеку, ради которого я ещё сохранял остатки своей человечности.

– Лана, – я заговорил снова, стараясь, чтобы мой тон звучал максимально мягко, хотя внутри меня всё клокотало. – Больше не ходи в ту сторону. Обещай мне. Этот зверь – он непредсказуем. Он опаснее, чем кажется.

Она промолчала, отвернувшись к окну. В салоне повисла тишина, нарушаемая только ровным гулом мотора. Я гнал машину к дому, молясь только об одном: чтобы Ярослав, очнувшись от своего безумия, не решил, что раз ему нельзя трогать меня, то он может попытаться забрать у меня ее

Я чувствовал, как этот день изменил всё. Старая, шаткая конструкция моего мира, которую я выстраивал последние

полтора года, начала рушиться. Яр вернулся не просто в нашу жизнь. Он вернулся как кара за все мои ошибки. И теперь я не просто бизнесмен из города. Теперь я – тот, кто будет охотиться на собственного брата, чтобы спасти женщину, которой я даже не успел рассказать, кто я такой на самом деле.

Мои пальцы побелели на руле, когда машина свернула на гравийную дорожку к поместью. Каждым прикосновением к Лане – здесь, в тесном пространстве салона – я чувствовал, как этот секрет разъедает меня изнутри, тяжелее свинца.

«Просто скажи ей», – шептал голос в голове.

«Ты с ума сошел?» – отвечал другой, более холодный и рассудительный.

Как мне это сделать? «Милая, сегодня был тяжелый день, но у меня есть пара новостей: во-первых, я оборотень, во-вторых, мой брат, который чуть не разорвал тебя на части, тоже оборотень, и, в-третьих, это я виноват в том, что он сошел с ума».

Звучит как сценарий дешевого фильма ужасов, а не как признание. Она посмотрит на меня так, будто я сбежал из психиатрической клиники. Она ландшафтный дизайнер, человек порядка, эстетики и логики. А я? Я – ходячее проклятие, которое прикрывается дорогими костюмами и инвестиционными проектами.

Я взглянул на неё украдкой. Лана сидела, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и выглядела такой беззащитной,

что у меня внутри все взвыло. Если я скажу ей правду, я потеряю её мгновенно. Она испугается – и будет права. Но если я буду молчать, я подставляю её под удар во второй раз. Ярослав – это не просто угроза для бизнеса, это дикая, неуправляемая стихия.

Я был зажат между двух огней. С одной стороны – моя пара, мой мягкий свет, который я так хотел сохранить в чистоте. С другой – мой зверь, который с момента появления Яра в лесу начал биться в ребра, требуя признать правду.

Это не та новость, которую можно вывалить за завтраком, намазывая тост джемом. Это новость, которая перечеркивает саму возможность нормальной жизни, о которой она так мечтала. Я видел, как она наслаждалась тем, что нашла здесь покой после своей суматошной столичной жизни. А я был тем фундаментом, на котором она этот покой строила. Разрушить его своим «я превращаюсь в волка»? Это было предательство почище того, которое я совершил полтора года назад.

– Ром? – она тихо позвала меня, не поворачивая головы.
– Ты какой-то странный. Ты дрожишь?

Я непроизвольно сжал челюсти. Дрожу? Я пытаюсь не сорваться, не войти в транс прямо на ходу от того, как сильно мой зверь жаждет защитить её, перебив всех, кто косо посмотрит в её сторону.

– Просто... перенервничал, – ответил я, максимально успокаивая голос, хотя внутри меня бушевала буря. – Про-

сти, что накричал в лесу. Я просто очень боюсь тебя потерять.

Это была правда. Самая чистая и страшная правда из всех. Я боялся потерять её не из-за Яра. Я боялся потерять её из-за собственного уродства, которое мне приходилось прятать за безупречными фасадами зданий и компаний.

«Она имеет право знать», – снова кольнула мысль. Но губы предательски сомкнулись. Я знал: как только я проговорю это вслух, наш мир, где я – успешный бизнесмен, а она – влюбленный дизайнер, перестанет существовать.

Я затормозил у крыльца и заглушил двигатель. В наступившей тишине было слышно только, как стучит дождь по крыше машины.

– Идем, – я первым вышел из авто, чтобы она не заметила, как сильно я психую. – Тебе нужно согреться.

Завтра. Может быть, завтра я найду способ облечь этот ад в слова. Или послезавтра. А пока... пока я буду просто Ромой. Буду тем, кто приготовит ей чай и будет охранять её сон, хотя сам всю ночь буду вслушиваться в каждый шорох за окном, ожидая, что мой брат снова напомним о своем существовании.

Глава 4

Лана

Вечер в доме Романа прошел в какой-то тягучей, почти осязаемой тишине. Июль за окном плавился от жары, стрекотали цикады, а мне, несмотря на духоту, было холодно. Трясло так, что зуб на зуб не попадал – отголоски лесного кошмара никак не желали отпустить.

Роман не отходил от меня ни на шаг. Он, обычно такой разговорчивый, мастерски создающий уют своей болтовней на самые разные темы, сегодня молчал. Он укутал меня в пушистый плед, заставил выпить вторую чашку крепкого чая с лимоном и теперь просто сидел рядом на диване. Его взгляд – тяжелый, пристальный – был прикован к моему лицу, будто он искал на нем новые черты. В этом взгляде читалось что-то пугающе виноватое, словно именно он лично толкнул меня под лапы тому зверю.

– Ром, я в порядке, честное слово, – я мягко коснулась его предплечья, чувствуя под тонкой тканью рубашки горячую, напряженную кожу. – Не нужно смотреть на меня так, будто я сделана из фарфора и вот-вот рассыплюсь от малейшего дуновения.

Мы встречались всего месяц, но иногда мне казалось, что он уже мысленно назначил меня своей женой, обложил заботой и вниманием так, что было душно. Эта гиперопека...

она была странной. С одной стороны, мне с ней было комфортно, а с другой – она давила на грудь. У меня было ощущение, что я попала в клетку, где прутья сделаны из заботы и мягких пледов.

Я невольно вспомнила своего бывшего. Вот где была клетка, только совсем другого сорта – из ржавого железа и колючей проволоки. Арбузер с большой буквы, мастер манипуляций. Он довел меня до нервного истощения своими «я прыгну с крыши», «я вскрою вены», «ты во всем виновата». Я верила, плакала, возвращалась, кормила его таблетками и клялась в любви, пока не поняла, что эта любовь – яд, медленно убивающий меня изнутри.

Мне двадцать пять, и я уже слишком хорошо знала цену сильным чувствам. Рома был его полной противоположностью: вежливый, обходительный, нежный. В нем не было ни капли той ядовитой агрессии. Он был идеальным. Красивым, как античная статуя, и надежным, как скала. Ради такого можно было потерпеть его склонность к излишней опеке.

– Тебе нужно отдохнуть, – его голос прозвучал глухо, словно из бочки. Он наконец отвел взгляд, но в уголках его губ застыла жесткая складка.

Он снова посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то дикое, почти животное, но тут же погасло, стоило мне моргнуть. Наверное, мне показалось.

– Я не хочу быть обузой, – я попыталась улыбнуться, чтобы разрядить обстановку. – Просто сегодня был странный

день. Тот зверь... он ведь не напал, Ром. Он просто... смотрел. У него были глаза такие... странные... словно он всё понимал.

При упоминании того взгляда Рома вздрогнул. Его ладонь, лежавшая на спинке дивана, сжалась так сильно, что обивка жалобно скрипнула.

– Не думай о нем, – отрезал он, и в этом тоне мне снова почудилась сталь, хотя и казалось, будто он пытается казаться мягче. – Забудь о лесе. Забудь о том, что ты видела.

Он поднялся, подошел к окну и замер, глядя в темноту, туда, где за чертой ухоженного сада начиналась глухая, непроглядная чаща. Его спина была широкой, напряженной, словно он ожидал, что в окно вот-вот что-то влетит.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня медленно, по капле, зреет протест. Я не хотела быть принцессой, которую прячут в башне от драконов. Я хотела понимать, почему мой идеальный Рома ведет себя так, будто он сам дракон, от которого стоит держаться подальше.

К одиннадцати вечера душный июльский воздух за окном стал еще тяжелее. Я почувствовала, что мой запас прочности исчерпан: мне нужно было не просто безопасное место, мне нужно было мое пространство. Одиночество стало для меня почти физической потребностью, островком, где я могла принадлежать только самой себе, без опеки, без его странных взглядов и этой густой, липкой тишины дома.

Я начала собираться, чувствуя, как Роман следит за каж-

дым моим движением. Его присутствие в комнате ощущалось почти как давление, он словно занимал собой весь объем воздуха.

– Лана, останься, – сказал он, когда я уже накинула легкий кардиган. – Пожалуйста. Не хочешь быть со мной в одной спальне – я выделю тебе любую другую комнату, выбирай какую угодно. Только не уезжай.

Я удивленно посмотрела на него. Это было странно. Обычно Рома предлагал, мягко очерчивал свое мнение, но если я говорила «нет», он принимал это с пониманием. Сейчас же в его голосе звенело что-то пугающее.

– Ром, я хочу домой, в свою квартиру, – я постаралась ответить максимально мягко, хотя внутри уже зарождалось раздражение. – Мы уже говорили об этом. Мне нужно просто побыть в своих стенах, выспаться в своей кровати.

– Там опасно, – отчеканил он, но не приказывая, а как-то отчаянно. Его челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

– Опасно было в лесу, – я не удержалась и закатила глаза, пытаясь перевести всё в шутку, хотя сердце пропустило удар от его тона. – Волк сбежал, он не будет преследовать меня до самого центра города. Это уже паранойя, Ром.

Он поджал губы, глядя на меня так, будто я только что призналась в намерении выйти на прогулку по минному полю. Его зрачки, странно дернулись, становясь шире, чем того требовало освещение.

– Ладно, – процедил он наконец, и в этом «ладно» не было ни грамма согласия, только вынужденная капитуляция. – Но я сам тебя отвезу.

Я хотела возразить, что вполне способна сесть за руль, но, глядя на то, как он напряжен, решила промолчать. Это было меньшее из зол.

Рома шагнул ко мне, и обнял. Его руки, широкие и горячие, сжали меня так крепко, что я почти почувствовала, как под его кожей перекачиваются мышцы. Он уткнулся лицом в мои волосы, и я услышала, как он судорожно, почти жадно вдохнул мой аромат, словно пытаюсь убедиться, что я настоящая, что я здесь, что я еще... целая.

– Прости, что настаиваю, – прошептал он мне в макушку. Его голос дрожал. – Просто я так испугался за тебя в лесу... это не отпускает. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу, как он над тобой стоит.

Мне стало жаль его. Это было так по-человечески, так искренне. Его страх был почти заразительным – я сама на секунду представила те желтые глаза и отчетливо вздрогнула. Вся моя злость на его арбузерские замашки испарилась, уступив место сочувствию.

– Хорошо, тогда поехали, – я мягко отстранилась, улыбнулась и чмокнула его в щеку, надеясь, что этот простой жест успокоит его и вернет в нормальное состояние.

Рома взял ключи со стола. Его движения были резкими, механическим. Я шла за ним к машине, думая о том, что,

может быть, я просто себя накручиваю. Может, он просто человек, который слишком сильно любит, и для которого этот лесной кошмар стал таким же ударом, как и для меня? Хотя о какой любви может идти речь, если мы встречаемся чуть больше месяца.

Однако, садясь в машину, я невольно бросила взгляд на кромку леса. И мне на мгновение показалось, что из глубины чащи – там, где еще час назад был тот зверь с глазами Романа – на нас смотрят два немигающих янтарных огня.

Глава 5

Лана

Когда тяжелая входная дверь наконец отсекла меня от мира, где за каждым углом мерещились чьи-то немигающие янтарные глаза, я ощутила почти физическое облегчение. Здесь всё было по-моему: старый паркет, который поскрипывал под ногами, как верный пес, пыльные солнечные зайчики на виниловых обоях и запах бабушкиных сушеных трав, который, казалось, въелся в стены намертво.

Я не стала включать яркий свет. Только лампу с мягким абажуром у кресла.

На кухне я заварила себе настоящий, крепкий кофе – черный, горький, без всяких травяных сборов для успокоения. Первый глоток прожег горло, возвращая из того странного оцепенения, в которое меня погрузил Рома своим гипертрофированным защитным рефлексом.

Я опустилась в свое старое, продавленное, но бесконечно уютное кресло. Тишина здесь была иной. Она была не гнетущей, как в поместье Романа, а какой-то по-домашнему теплой.

Рома... Он так настаивал на ремонте. Еще в самом начале наших отношений, едва переступив порог, он завел разговор о дизайнерском преображении. Помню, как он оглядывался вокруг: его взгляд скользил по выцветшим обоям, по тя-

желому бабушкиному comodу, по старым книжным полкам. Тогда мне показалось, что он брезгует. Такой холеный, пахнувший дорогим парфюмом, в безупречно сидящем костюме – он выглядел здесь как инородное тело, как дорогой бриллиант в дешевой оправе. Но он не морщился, не делал замечаний. Просто смотрел с той самой виноватой грустью, которая сегодня в машине показалась мне еще более глубокой.

Видимо, он думал, что я живу так из-за нехватки денег. Он не понимал, что каждая вещь здесь – это память.

Я провела пальцем по подлокотнику кресла. В этой квартире я все еще чувствовала присутствие бабушки. Мне казалось, что если я сейчас встану и загляну в соседнюю комнату, то увижу её у окна.

Её смерть до сих пор была для меня открытой раной. Полтора года – это бесконечно мало для того, чтобы смириться с потерей такого человека. Она была не просто бабушкой, она была стихией. Живой, смешливой, неугомонной. И эта нелепая, идиотская случайность в больнице...

В горле снова встал комок. История с той злополучной операцией до сих пор казалась мне сюрреалистичным кошмаром. Плановое вмешательство, подготовка, всё должно было пройти гладко. А потом – темнота. Во всей больнице погас свет. Никто толком так и не объяснил, почему не сработали резервные линии. Позже просочились слухи о чьей-то халатности при строительстве нового корпуса прямо у стен больницы: рабочие, которые не сверились с картами

подземных коммуникаций, пробили основной силовой кабель. А старые резервные генераторы... говорили, их просто забыли обслужить или списали средства мимо кассы.

Тогда я была в шоке. Помню только бесконечные походы в прокуратуру, бумажную волокиту, ответы, в которых никто ни в чем не виноват. «Технический сбой», «непредвиденные обстоятельства». В итоге – бабушки нет, а я осталась одна в квартире, которая стала для меня единственным местом, где мне разрешено было не быть сильной.

Я отпила кофе, глядя на пустой угол комнаты. Рома никогда не спрашивал меня о бабушке подробно, только вежливо кивал, когда я вскользь упоминала о ней. Сейчас, глядя в темноту, я вдруг поймала себя на странной мысли: если Рома такой богатый и влиятельный здесь, не мог ли он быть причастен к тому объекту полтора года назад?

Тряхнула головой, отгоняя паранойю. Глупости. Это просто совпадение. Он – мой Рома. Мой самый заботливый и странно тревожный мужчина. Он очень внимателен к деталям и не допустил бы такого.

Я прикрыла глаза, растворяясь в тишине любимой квартиры. Впервые за день дыхание стало ровным. Здесь меня никто не опекал. Здесь я была просто собой: не принцессой в башне, не добычей в лесу, а обычной девушкой, которая просто хочет выпить кофе и наконец-то спокойно поспать.

Я бросила быстрый, почти безразличный взгляд на окно, стараясь убедить себя, что там просто блики уличных фо-

нарей в стекле привлекли моё внимание. Но там, в непроглядной темноте двора, снова мелькнули два желтых огонька. Они были слишком яркими, слишком живыми для обычного отражения. Сердце дернулось, как пойманная птица, но я тут же взяла себя в руки.

– Хватит. Я просто перенервничала. – твердо сказала я вслух, голос в пустой квартире прозвучал глухо и неуверенно.

Я не стала звонить ни Роме, ни в полицию. Черт возьми, я взрослый человек, а не напуганная девчонка из дешевого хоррора, да и на каком основании? На основании того, что я перенервничала и мне мерещится? В конце концов, это первый этаж, здесь постоянно кто-то шляется, курит или просто идет мимо. Мое воображение, взвинченное до предела этим чертовым лесом и пугающим видом Романа, услужливо подсовывало мне кошмары там, где их и в помине не было.

Я подошла к окну, стараясь не делать резких движений. Руки, все еще подрагивающие от выпитого кофе, плотно ухватились за край штор. Я на секунду замерла, вглядываясь в пустоту за стеклом. Никого. Просто старые кусты, поскрипывающие от ветра, да пустой двор, погруженный в сон. Убедившись, что во дворе действительно ни души, я с легким раздражением на саму себя дернула ткань, плотно закрывая гардины.

– Ну вот, – пробормотала я, ежась от неприятного, липкого ощущения, которое все никак не желало отпустить. –

Никого нет.

Я уже собиралась повернуться, как краем глаза, сквозь узкую щель между шторой и оконной рамой, снова уловила движение. Огоньки. Они не исчезли, они просто сместились ближе к самому стеклу.

На мгновение я замерла. Ощущение того, что за окном кто-то есть – кто-то, кто смотрит на меня с пугающей сосредоточенностью – стало почти физическим. Мое горло перехватило, воздух в квартире показался спертым.

– Это просто компания подростков, – продолжала я уговаривать себя, отчаянно цепляясь за здравый смысл. – Обычные люди. Нечего строить из себя жертву.

Я отошла от окна, стараясь шагать ровно, хотя ноги стали будто ватными. Включила в коридоре свет, чтобы прогнать тени, но привычный уютный дом вдруг показался мне чужим и враждебным. Тишина тикала в ушах, как метроном.

Я попыталась сосредоточиться на чем-то привычном. Посуда в мойке, стопка книг на столе, старый абажур... Все на своих местах. Все как всегда. Я внушала себе, что это просто стресс, что мозг играет со мной в злые игры. Но где-то в глубине души, в той самой части, что еще не успела атрофироваться от рациональности, я знала: там, за тканью штор, кто-то есть. И этот кто-то пришел сюда вовсе не для того, чтобы просто покурить.

Я прошла на кухню, стараясь, чтобы звук моих шагов по линолеуму был как можно более уверенным. Сердце колоти-

лось в ребра, но я запретила себе бежать. Нужно было просто выпить воды. Одна мысль стучала в висках, перекрывая любой здравый смысл: «Он здесь».

Я не знала, кто «он» – зверь, человек или мой собственный страх, ставший плотным и осязаемым, но я чувствовала его присутствие так же отчетливо, как чувствуют приближение грозы.

Я наполнила стакан прохладной водой из-под крана. Руки дрожали так сильно, что стекло тихо позвякивало о край раковины. В этот момент за окном, которое было уже плотно занавешено, послышался глухой звук. Это не было шагом. Это было что-то вроде тяжелого удара по стеклу. Но не чем-то тяжелым вроде палки, а чем-то мягким, типа ладони, или может быть... лапой? Мне теперь всюду мерещился этот волк. Стекло жалобно звякнуло в раме.

Я замерла, боясь сделать вдох. Воздух в квартире стал каким-то вязким и душным.

«Это только первый этаж, – пронеслось в голове, – он может просто выбить стекло».

Я медленно поставила стакан на столешницу. В голове всплыло лицо Ромы – его напряженные руки, его странная, почти болезненная забота. «Там опасно», – сказал он. И теперь эти слова отозвались во мне холодным металлом.

Я не стала включать свет в комнате. На цыпочках, почти не дыша, я двинулась обратно к окну. Любопытство, эта проклятая черта дизайнера, вечно желающего знать, как устро-

ено пространство, взяло верх над инстинктом самосохранения. Мне нужно было увидеть. Раз и навсегда.

Я подошла к шторам. Ткань казалась мне сейчас единственной преградой между моей жизнью и тем, за что я даже боялась дать определение. Я протянула руку, собираясь лишь слегка отодвинуть край, чтобы заглянуть в узкую щель.

В этот момент за окном раздалось низкое, вибрирующее рычание. Оно не было громким, но в нем слышалась такая мощь, что у меня внутри все скрутило от страха.

Я резко отдернула руку, отшатнувшись от окна. На подоконнике, прямо за плотной шторой, что-то тяжело заскребло. Медленно, с леденящим душу скрежетом, по стеклу провели когти.

– Уходи, пожалуйста. – прошептала я, сама не зная, к кому.

Глава 6

Лана

Ночь тянулась бесконечно, словно густая патока, в которой я тонула, не в силах выбраться на берег сна. Я сидела в старом кресле, вцепившись в подлокотники так, что пальцы немели. Любой шорох в квартире – скрип старого паркета, гудение холодильника, случайный стук веток по стеклу с другой стороны дома – отдавался во мне крупной дрожью.

Где моя смелость? Где та Лана, которая в восемнадцать лет в одиночку переехала в Москву, тащила тяжелые сумки с образцами материалов и выживала в дедлайнах, от которых у других случались нервные срывы? Сейчас эта отвага казалась чужой, словно принадлежала другой женщине. Я сидела, трясаясь как осиновый лист, и меня разрывало от абсурдности собственных страхов.

На мгновение в голове мелькнула робкая мысль: «Может, собрать вещи и поехать к Роме?». Там, в его огромном, неприступном доме, с его пистолетом и этой странной, почти звериной яростью, которой он меня защищал, было бы безопаснее. Но я тут же отсекала это. Нет. Жить с кем-то в его ритме, подчиняться его правилам? Никогда. Это мой дом, моя территория, мой личный мир, который я не собиралась сдавать без боя – пусть даже этот бой я вела против самой темноты.

Когда первые предрассветные лучи робко пробились сквозь щели в шторах, страх начал отступать, съеживаясь под напором обыденности. Я видела в окно, как из подъезда выходят соседи: тетя Нина с собачкой, наш дворник в своем оранжевом жилете, молодая мама с коляской. Они шли, смеялись, обсуждали погоду. Никто не был напуган, никто не оглядывался.

Мой личный ужас, такой грандиозный ночью, при дневном свете начал казаться нелепой галлюцинацией, вызванной лесным приключением.

«Слишком много стресса, Лана. Просто стресс», – убеждала я себя, с трудом вставая с кресла. Ноги затекли, голова гудела, но внутри разливалось странное облегчение.

Я решительно вышла из подъезда. Свежий утренний воздух ударил в лицо, смывая остатки ночного липкого кошмара. Чтобы окончательно успокоить себя, я обошла дом по кругу. Подошла к той самой стене, где выходили окна моей спальни.

Чисто. Стена выглядела нетронутой, словно вчерашний скрежет был лишь плодом моего воображения. Хотя что я надеялась увидеть там? Волка? Труп? Костер?

– Ну вот, – прошептала я, чувствуя, как на губах сама собой появляется слабая, почти победная улыбка. – Лана, ты сошла с ума на почве усталости.

Я уже собралась развернуться и пойти домой, как взгляд случайно упал на клочок сырой земли прямо под подоконни-

ком, где пару дней назад я высадила цветы. В мягкой, влажной от ночной росы грязи, среди моих аккуратных посадок, отчетливо виднелся глубокий отпечаток лапы.

Сердце пропустило удар, а улыбка застыла на губах. Это был след – огромный, с мощными когтями, глубоко вошедший в почву. Ни одна собака из соседних дворов не могла оставить такой след. Он был размером почти с мою ладонь.

– Собака... большая собака пробегала, – голос предательски дрогнул.

Я присела, протянула руку, но коснуться отпечатка побоялась. Внутри мгновенно вспыхнуло то же ледяное осознание: этот след не мог появиться сам по себе. Кто-то стоял здесь, вглядываясь в мои шторы, выжидая, когда я подойду. Я сделала фото на телефон, загрузила в поисковик. Чего я и боялась... волк.

Весь утренний покой в одночасье рассыпался прахом. Это не была галлюцинация. Это было приглашение. И судя по глубине следа, существо, которое оставило его, было по-настоящему массивным. Я медленно поднялась на ноги, чувствуя, как по спине снова пробегает тот самый неприятный, знакомый холодок. Мир, который я считала безопасным, оказался декорацией, держащейся на соплях, и за этой фасадом скрывалось то, что не имело ничего общего с моей спокойной жизнью.

Я тряхнула головой, пытаюсь отогнать липкий ужас, который ползком выбирался из углублений этого огромного от-

печатка в грязи. Жизнь не останавливалась из-за моих ночных кошмаров, и самое главное – работа. Проект для Романа был тем самым якорем, который удерживал меня от падения в бездну личных переживаний. Философский сад, который я задумала, требовал не просто чертежей, а чего-то, что можно потрогать руками, почувствовать корой деревьев и фактурой камня.

Сев в машину, я выдохнула. Нужно было отвлечься. Если я буду сидеть дома и разглядывать следы, я действительно сойду с ума.

Садовый центр «Оазис», он же питомник растений, находился в тридцати километрах от Вереска – огромное, гулкое ангарное пространство, заполненное запахом влажной земли, хвои и химических удобрений. Здесь всегда было много людей, суета, шум погрузчиков – именно то, что нужно, чтобы спрятаться от тишины, которая последние часы была для меня врагом номер один.

Я вошла в павильон и сразу почувствовала, как меня накрывает волна спокойствия. Ряды кашпо, стеллажи с многолетниками, горки гравия и гранитной крошки – всё это было понятным, логичным, управляемым.

Я ходила вдоль полок, почти не глядя на ценники. В голове оживали картинки. Вот сюда, на западную сторону, я поставлю раскидистую сосну бонсай, а рядом – крупные валуны темного сланца. Роман дал мне полный карт-бланш. Никаких «почему так дорого», никаких «а можно сделать в цве-

тах вырвиглаз». Он просто верил мне. Эта свобода опьяняла, заставляя забыть о том, что еще утром я рассматривала в грязи следы того, кто мог бы легко перекусить мне горло.

Мои руки перебирали веточки можжевельника, лаванды и шалфея. Я уже видела, как в сумерках здесь будут играть тени, как будет пахнуть после дождя.

– Красивый выбор, – раздался за спиной сочувствующий голос сотрудника, но я почти не услышала его.

Я была полностью погружена в процесс. Я искала баланс. Сад для Ромы должен был стать местом силы, где даже самый яростный зверь мог бы найти покой. Горькая ирония этой мысли ударила меня под дых, но я лишь плотнее прижала к себе горшок с низкорослым сортом ели.

Я провела в «Оазисе» не меньше трех часов. Мышцы приятно ныли от ходьбы, а планшет был исписан пометками о поставках камня и живых изгородей. Я нашла всё: от редких сортов лилейников до огромных корзин для декора.

Выходя из магазина к своей машине, я чувствовала себя почти прежней – увлеченной, уверенной, наполненной идеями. Я даже забыла, зачем вообще приехала сюда – не только за растениями, но и чтобы убедиться, что мир за пределами моего дома остался прежним.

Я сложила покупки в багажник и уже собиралась хлопнуть крышкой, когда мой взгляд упал на парковку. В стороне, рядом с черным внедорожником, подозрительно похожим на машину Романа, стоял мужчина в темной толстовке. Он не

двигался, просто смотрел прямо на меня через всю парковку.

Я замерла. Внутри всё похолодело. Этот человек не покупал растения, он вообще не был занят ничем, что подобало бы посетителю садового центра. Он просто стоял и смотрел. Жутко так смотрел, не моргая.

Я быстро захлопнула багажник, села в машину и заблокировала двери, даже не пытаясь больше разглядеть незнакомца. Моё состояние потока рассыпалось в пыль. Работа была прекрасна, но тень, которую она проецировала на мою реальность, становилась всё длиннее и тяжелее.

Тот странный мужик меня до чертиков напугал.

Глава 7

Лана

Руки на руле дрожали, и я периодически сжимала их до онемения, пытаюсь унять бешеный стук сердца. В зеркале заднего вида то и дело мелькал черный силуэт – массивный, хищный, неповоротливый внедорожник. Несколько раз он опасно приближался, сокращая дистанцию, а потом вдруг сбавлял ход, словно играя со мной в кошки-мышки.

«Брось, Лана, это паранойя», – твердила я себе. – «В провинции люди тоже зарабатывают деньги, тоже покупают дорогие машины. Это не обязательно тот же самый автомобиль».

Но мой внутренний голос, натренированный годами работы с пространством и деталями, насмешливо возражал: эта модель, этот угольно-черный матовый оттенок, эта агрессивная тюнингованная решетка радиатора – такие машины стоят целое состояние. Даже в Москве на таких ездят владельцы нефтяных вышек или топовые криминальные авторитеты, а не случайные прохожие в нашем тихом городке. Черный внедорожник был здесь чужеродным объектом, черной меткой, выбивающейся из общего серого потока дешевых седанов и старых «японцев». Тем более эта марка стоила неприлично дорого.

Я нажала на газ. Мотор взревел под капотом, и машина

рванула вперед, в сторону дома Романа. Лес, проплывавший за окнами, больше не казался мне вдохновляющим пейзажем для сада. Теперь это были просто кулисы, за которыми пряталось нечто, преследующее меня по пятам.

Как только колеса моей машины пересекли границу участка, и тяжелые кованые ворота с глухим лязгом захлопнулись, отсекая шум дороги, я наконец смогла выдохнуть. Высокий каменный забор, увитый густым плющом, здесь казался не просто ограждением, а надежной броней. Внутри царил идеальный порядок: ухоженные дорожки, стриженные газоны и абсолютная, звенящая тишина, которая теперь казалась мне не пугающей, а оберегающей.

На пороге меня встретил Степан – мужчина лет пятидесяти с суровым лицом и привычками кадрового военного. Он был здесь всем: и управляющим, и садовником, и верным стражем Романа. Его спокойное, сосредоточенное лицо подействовало на меня куда лучше любых успокоительных.

Следом за ним на крыльцо вышел сам Роман. Увидев меня, он тут же сбегал вниз, к машине, его лицо моментально стало обеспокоенным.

– Лана... ты выглядишь странно. Что случилось? – он подхватил меня за локти, вглядываясь в глаза с такой тревогой, что мне на секунду стало не по себе.

– Да ничего, все нормально, – я отвела взгляд, нервно

оглядываясь на ворота, за которыми еще недавно призраком маячил черный внедорожник. – Правда, Ром, все хорошо.

– Ты выглядишь напуганной, – он не отпускал, его пальцы слегка сжали мои рукава, будто он пытался считать мой страх через одежду.

– Да нет же, правда, все нормально, – я натянуто улыбнулась, стараясь выглядеть как можно естественнее. – Просто по дороге какой-то идиот лихачил, подрезал меня на трассе, я и дернулась. Ты же знаешь, как я не люблю агрессивных водителей.

Роман долго молчал, всматриваясь в мое лицо, словно пытался понять вру я или нет. Наконец, он выдохнул и слегка ослабил хватку.

– Ну ладно, если так, – сказал он, но в его голосе все еще звучала нескрываемая настороженность.

Он обнял меня, прижимая к себе, и я почувствовала, как бешеный ритм моего сердца постепенно замедляется. Тепло его тела, привычный запах дорогого парфюма и хвои – всё это действовало успокаивающе. Я чувствовала себя в безопасности.

– Ты, наверное, опять не ела сегодня, – вдруг сменил тон Роман, становясь тем самым заботливым и внимательным мужчиной, которого я знала. – Пошли, я тебя покормлю. Не хватало еще, чтобы ты у меня голодной ходила, совсем себя не бережешь.

Он нежно приобнял меня за плечи и бережно повел в дом.

И только сейчас, когда адреналин схлынул, я поняла, что у меня внутри все дрожит от голода. С утра я не съела ни крошки: сначала – от ночного кошмара, потом – от утреннего шока со следами, а в садовом центре было не до этого. Голод, который я до этого почти не замечала, навалился разом, вместе с приятным предвкушением домашней еды и спокойного вечера в компании Романа. В этот момент мне действительно казалось, что никакие черные машины и странные лесные звери не смогут прорваться сюда, за эти стены.

Мы сидели в просторной кухне, залитой теплым светом. Рома был непривычно тихим, наблюдая, как я ем, словно пытался убедиться, что я действительно здесь, живая, а не галлюцинация. Он налил мне вина, заботливо пододвинул салфетки, но сам к еде почти не притронулся. Его пальцы нервно постукивали по столу – резкий, почти нервный ритм.

– Ты сегодня какая-то притихшая, Лана, – его голос был мягким, почти обволакивающим, но в глубине глаз по-прежнему пряталась та самая тревога, которая начинала надоедать.

– Просто устала, – честно призналась я, отпив вина. – Сначала этот случай в лесу, потом на дороге... Вереск кажется мне уже не тихим городком, а каким-то лабиринтом с ловушками.

Рома нахмурился, и его лицо на мгновение стало жестким, даже пугающим. Он сжал мою ладонь своей – его рука была непривычно холодной.

– Вереск – сложный город, Лана. Здесь много того, что скрыто от случайных глаз. Прости, что втянул тебя в это. Я хотел только, чтобы тебе было спокойно.

Я лишь вздохнула. Его забота была почти удушающей, но в то же время – единственным, что заставляло меня чувствовать себя защищенной в этом странном, неуютном мире. Я хотела было ответить, что всё это пустяки, как вдруг в прихожей раздался тяжелый, размеренный шаг Степана.

Он не зашел на кухню, но его голос донесся до нас отчетливо, как приказ.

– Привезли, как заказывали. В гараже.

Рома мгновенно подобрался. Его лицо стало непроницаемым, как маска. Он поднялся, на ходу вытирая руки салфеткой, и посмотрел на меня. В этот момент я почувствовала – внутри него что-то щелкнуло. Он стал другим. Собранным, холодным, почти чужим.

– Подожди здесь, Лана, – сказал он, даже не глядя на меня. – Степан привез кое-какие материалы для сада, очень специфические и капризные. Мне нужно проконтролировать разгрузку, чтобы ничего не повредили. Доедай, я скоро вернусь.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Я осталась в тишине, чувствуя, как тарелка с недоеденной пастой медленно остывает.

«Специфические материалы?» – мелькнуло в голове. Для сада? В одиннадцать вечера? О которых я не знаю, хотя я проектирую ему сад? Мой профессионализм задел этот во-

прос. Я знала все условия транспортировки саженцев и декоративных камней, но ничего из того, что мы обсуждали, не требовало такой секретности и темноты.

Я прислушалась. За стеной, в глубине дома, слышались тяжелые, глухие звуки, словно вносили что-то массивное. Потом – короткий, гортанный вскрик, который тут же оборвался. Я вздрогнула. Вскрик был точно таким же, как тот стон под моим окном прошлой ночью.

Я медленно отодвинула стул. Любопытство тянуло меня к дверям, но здравый смысл, тот самый, что твердил мне «беги», кричал еще громче. Что происходит в гараже у человека, который еще час назад трясущимися руками обнимал меня, боясь отпустить? И почему я чувствую себя не гостьей в его доме, а свидетелем чего-то, что мне видеть категорически нельзя?

Глава 8

Лана

Я замерла, сжимая в ладони холодную вилку. Внутри меня боролись два чувства: холодный, отрезвляющий испуг и то самое, нелогичное любопытство, которое всегда было моим главным профессиональным пороком – стремлением разобраться в деталях.

Звуки из гаража стали четче. Это был не шум инструментов и не лязг садовых ножниц. Это звучало как тяжелое, глухое волочение чего-то тяжелого по бетону, перемежаемое короткими, гортанными командами Романа. Он звучал не как хозяин дома, а как... погонщик? Или дрессировщик? В его голосе не было привычной мягкости, только сухой, рубленый металл.

Я не должна была этого делать. Я знала, что перешагиваю черту, за которой мой уютный мир окончательно рухнет. Но ноги сами понесли меня к коридору.

Бесшумно, почти не дыша, я двинулась вдоль стены, стараясь держаться в тени. Коридор казался бесконечно длинным. Дверь, ведущая в гараж, была приоткрыта на пару сантиметров. Оттуда тянуло не свежестью земли и камня, как от садовых материалов, а чем-то резким, озоновым, смешанным с запахом... меди? Или это была свежая кровь?

Я прильнула к щели и заглянула внутрь. Гараж, превра-

щенный в импровизированную тюрьму, заливал холодный, стерильный свет ламп. В центре, закованный в цепи, стоял мужчина из садового магазина.

На нем были лишь рваные брюки, а длинные пряди волос слиплись от пота и крови. Его тело было покрыто шрамами и кровью, но взгляд оставался пугающе чистым и хищным. В этот момент мой мир окончательно раскололся на части. Роман, мой нежный, заботливый Рома, стоял над ним, сжимая кулаки так, что по коже на руках вздулись вены. Его лицо превратилось в застывшую маску, а в глазах вместо привычной искры тепла пылала чистая, неразбавленная ненависть.

– Ты больше не подойдешь к ней! Она моя! – прорычал Рома. Его голос был низким, kloкочущим, словно он говорил не легкими, а самой глоткой.

Мужчина на цепях сплюнул кровь на бетон, его голова безвольно качнулась, но он не издал ни звука. От увиденного ужаса, от осознания той животной злобы, с которой Роман расправлялся с пленником, мои нервы не выдержали. В горле сжался спазм, и я против воли вскрикнула – коротко, отчаянно, на весь гараж.

Звук взорвал тишину помещения.

Роман замер. Его плечи дернулись, и он медленно, очень медленно обернулся ко мне. Его лицо в одно мгновение изменилось – жестокость сменилась таким отчаянием и первобытным страхом, что я отшатнулась. Степан тоже повернул голову, его бесстрастное лицо не выражало ничего.

Но пленник... Мужчина на цепях, с разбитым в кровь лицом, тяжело поднимая голову, посмотрел прямо на меня. В его желтоватых глазах, сквозь опухоль и ссадины, светилось нечто пугающе осознанное. Он медленно растянул губы в улыбке – хищной, самодовольной, полной какого-то извращенного торжества.

– Нашла... – прохрипел он, едва шевеля разбитыми губами, обращаясь не ко мне, а к Роману. – Ты хотел спрятать её, брат? Ты хотел, чтобы она видела только твою идеальную улыбку? Посмотри на неё. Теперь она узнает, кто ты есть на самом деле.

Он снова замахнулся, готовый обрушить на мужчину новый удар, но я больше не могла стоять в стороне. Забыв о страхе, о том, что происходит, и о своей безопасности, я рванула вперед. Сорвавшись с места, пробежала по бетонному полу и с размаху встала прямо между ними, широко раскинув руки, словно пытаюсь закрыть собой избитого человека от его палача.

Я тяжело дышала, чувствуя, как от Романа исходит такой жар и такая мощная, давящая аура агрессии, что у меня перехватывало дыхание. Я не знала, что здесь происходит, не понимала причин этой жестокости, но одно знала точно: насилие не имеет оправдания. Я смотрела на Романа своими широко открытыми глазами, пытаюсь достучаться до той части его души, которую я любила.

– Реши это словами! – выкрикнула я, чувствуя, как дрожат

мои пальцы. – Ты же человек, Рома! Как ты можешь так с кем-то поступать? Давай поговорим!

Мужчина за моей спиной дернулся на цепях. Я услышала его хриплый, прерывистый вдох, а затем – тихий, почти довольный смех. Он не был напуган. Он смотрел на Романа через мое плечо с каким-то странным вызовом.

Роман застыл с поднятым кулаком. Его грудь тяжело вздымалась, а зрачки – я это видела своими глазами – метались в панике, сменяясь то глубокой тьмой, то яростным блеском. Он смотрел на меня так, будто я была единственным препятствием между ним и катастрофой, и его рука медленно, очень медленно начала опускаться.

Степан, стоявший в тени, напрягся, словно пружина, готовый вмешаться в любую секунду. В гараже воцарилась тишина такая тяжелая, что казалось, можно услышать, как капля крови падает с разбитой губы незнакомца на холодный бетон. Я стояла, не опуская рук, глядя Роману прямо в глаза, требуя ответа и пытаясь удержать остатки человечности в этом жутком месте.

Роман тяжело дышал. Его грудь ходила ходуном, а лицо, еще мгновение назад искаженное неукротимой яростью, теперь стало пугающе бледным. Он смотрел не на пленника – он смотрел на меня, и в его глазах отражался такой спектр эмоций, что я едва не отпрянула.

– Лана, ты ничего не понимаешь... – голос его сорвался, превратившись в хрип, который показался мне почти рыча-

нием. – Уйди. Ради всего святого, уйди отсюда сейчас же!

Он не был похож на того мужчину, который готовил мне завтраки и укутывал в плед. Его пальцы, всё ещё сжатые в кулаки, подрагивали. Он боялся того, что я увидела.

Мужчина за моей спиной хрипло засмеялся. Звук был надрывным, неприятным, пропитанным кровью и каким-то диким весельем.

– Она защищает тебя, Ром? – его голос звучал низко, с дребезжащими нотками. – Какая ирония. Ты прячешь её за спиной, а она... она даже не знает, что ты за тварь.

Я резко обернулась к пленнику, чувствуя, как внутри меня все холодеет от его взгляда. Лицо незнакомца – точь-в-точь черты лица Романа, только искаженные безумием. Те же скулы, тот же разрез глаз, только в них не было той сдержанности, к которой я привыкла.

– Кто ты такой? – мой голос прозвучал почти жалобно.

– Я – это он, – незнакомец оскалился, обнажив зубы, испачканные темной кровью. – Только без красивых костюмов и лживых улыбок. Спроси его, Лана, почему я здесь, в цепях, как бешеная собака. Спроси его, чья кровь на его руках.

Роман шагнул вперед, отталкивая меня в сторону – не грубо, но с такой силой, что я едва устояла на ногах. Степан тут же приблизился, словно преграждая мне путь к отступлению. Рома навис над мужчиной, схватил его за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

– Ты не смеешь говорить с ней, – прошептал Роман, и в

этом шепоте было столько угрозы, что воздух вокруг них, казалось, стал плотным и горьким на вкус.

Я стояла в нескольких шагах, глядя на них двоих – зеркальное отражение друг друга в свете безжалостных ламп. Пульс стучал в висках так сильно, что я почти не слышала собственных мыслей. Я должна была бежать. Я должна была развернуться и вылететь из этого проклятого гаража, навсегда вычеркнув Романа из своей жизни. Но я не могла.

Глава 9

Лана

– Да, братишка, расскажи ей! Кто я? Кто ты такой? Что ты сделал, чтобы запереть меня здесь? – голос пленника звучал с издевкой, он рванулся на цепях, заставив стальные кольца жалобно застонать под потолком.

– Заткнись! – прошипел Роман, и в этом звуке было столько нечеловеческой ярости, что у меня внутри все похолодело. Он повернулся ко мне, лицо его было белее мела. – Лана, пошли отсюда. Сейчас же. Прямо сейчас.

Я осталась стоять на месте, впившись пальцами в ладони. Мое сердце билось где-то в горле.

– Нет, – я сделала шаг назад, ближе к мужчине на цепях. – Сначала ты отпустишь его. Либо мы вызываем медиков, либо полицию, но я не уйду, пока ты так с ним обращаешься!

Роман шагнул ко мне, его глаза сузились, превращаясь в две узкие полоски тьмы.

– Ты не понимаешь, с чем столкнулась. Он опасен, Лана. Смертельно опасен!

– Пока что тут опасен только ты! – выпалила я, чувствуя, как слезы бессилия подступают к глазам. – Если он так опасен, сдай его властям, но не держи избитого человека в цепях, как зверя! Это пытки, Роман!

– Лана, я не отпущу его, – отрезал он, и в его голосе про-

звучала сталь, не допускающая возражений.

Пленник, чье лицо было распухшим от побоев, вдруг громко и надрывно рассмеялся. Его смех эхом отражался от бетонных стен, превращаясь в какой-то издевательский лай.

– Братишка, да ты наконец-то себя мужиком почувствовал? Научился отказывать своей самочке? – он выплюнул это с такой мерзкой насмешкой, что я почувствовала тошноту.

Роман на секунду застыл, словно его ударили током. Он перевел взгляд с него на меня – дикий, мечущийся. Секунда – и он был рядом. Прежде чем я успела вскрикнуть или отпрянуть, его сильные руки обхватили меня за талию. Он с легкостью подхватил меня, закинул на плечо, как мешок, и стремительно двинулся к выходу.

– Отпусти! Рома, поставь меня на землю! – я кричала, молотя кулаками по его спине, но он не реагировал. Его хватка была железной, прижимающей меня к себе с такой силой, что перехватывало дыхание.

– Замолчи, Лана, замолчи! – он шептал это так быстро и отрывисто, что слова сливались в одно целое.

Мы вылетели из гаража, и за нашей спиной, в тишине закрывающегося бетонного входа, еще долго слышался раскатистый, безумный смех брата, который, казалось, преследовал нас до самого порога дома. Роман нес меня, не останавливаясь, игнорируя мои мольбы и крики, его дыхание было тяжелым, прерывистым, а мышцы под моей щекой напряжены до предела. Он нес меня прочь от той правды, которую я

только что едва успела разглядеть.

В гостиной Роман с силой опустил меня на диван, и я, едва коснувшись обивки, тут же отскочила, как от раскаленного железа. Мое дыхание было сбито, в глазах плыло, а внутри клочкотала смесь страха, гнева и полного непонимания.

– Роман, что это было?! – я почти выплюнула эти слова, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. – Это твой брат?

Роман стоял посреди комнаты, тяжело дыша. Его вид – взъерошенные волосы, пятно крови на белоснежной рубашке – окончательно добивал мой мир.

– Да, Лана, это мой брат, – ответил он сухо, глядя в сторону, будто пытаюсь найти оправдание, которого не существовало.

– Почему он в цепях?! Почему он избит до полусмерти?! – я сорвалась на крик, чувствуя, как слезы застилают глаза. – Если он опасен, если он безумен – почему он не в закрытой клинике, не под присмотром врачей? Почему ты держишь его в своем гараже?!

Роман резко повернулся ко мне. Его лицо было бледным, почти прозрачным в свете люстры.

– Потому что это не болезнь в обычном понимании, Лана! – рявкнул он, и от звука его голоса задрожали стекла в серванте. – В спецучреждении ему не место.

– Объясни мне! – я сделала шаг к нему, тыча пальцем в сторону гаража. – Объясни, что происходит, потому что сей-

час ты выглядишь как человек, который пытается собственно-го брата!

– Лана, мы не будем это обсуждать, – отрезал он, становясь пугающе холодным. – Ты просто забудешь всё, что видела сегодня. Так будет лучше для всех.

Я рассмеялась – истерично, звонко, сама от себя такого не ожидая.

– Ты серьезно? Ты идиот, Рома? Ты правда думаешь, что я смогу мирно ужинать, лечь с тобой в одну постель, зная, что в десяти метрах от нашей спальни истекает кровью человек в цепях? Ты настолько высокого обо мне мнения?

– Ты ничего не понимаешь! – он попытался подойти, протянул руку, чтобы успокоить меня, но я отшатнулась, как от огня.

– Конечно, не понимаю! Потому что ты молчишь! Ты играешь в загадки и превращаешь свой дом в камеру пыток! – я отступила к дверям, лихорадочно соображая, как выбраться из этого поместья.

– Здесь не о чем говорить, Лана, – его голос стал опасным, низким, в нем снова промелькнуло что-то звериное.

– Хорошо, – я подошла к выходу, схватившись за ручку двери. – Значит, нам не о чем больше молчать. Прощай!

Он метнулся ко мне, пытаясь перехватить, заблокировать путь, его пальцы вцепились в плечо, но я вывернулась, чувствуя прилив силы, подпитанной адреналином. Я толкнула его в грудь – неожиданно для нас обоих он отступил.

– Я не готова строить отношения с монстром! – выкрикнула я на пороге, уже не заботясь о том, услышат ли меня слуги, сам «монстр», его брат в гараже или звери в лесу.

Я выскочила на террасу, холодный ночной воздух ударил в лицо, но я даже не обернулась. Мои кроссовки стучали по камню, в голове билась одна мысль: добраться до машины, завестись и не оглядываться. Я не видела того выражения боли и отчаяния, которое на секунду застыло на его лице, прежде чем маска вновь стала жестокой и непроницаемой. Я уходила, и с каждым шагом этот дом становился для меня не просто местом работы или романтическим пристанищем – он местом разочарования.

Глава 10

Лана

Я сидела в машине на лесной тропе и смотрела в темноту, пока адреналин, смешанный с чистой, ядовитой яростью, не вытеснил страх. Тряска в руках прошла, сменившись холодной решимостью. В голове пульсировала только одна мысль: он меня использовал. Все эти красивые ужины, нежные слова – просто декорации. А я, как последняя дура, верила в сказку.

«Хорошо, Ромочка, – подумала я, стискивая зубы до боли. – Думаешь, я просто уеду в закат? Ты плохо меня знаешь».

В моей жизни всегда было слишком много риска. Я лезла в эпицентры скандалов, переезжала в чужие города без копейки и никогда не заглядывала в завтрашний день, если сегодня было скучно. Сейчас скучно точно не было. Было опасно, безумно и до чертиков правильно.

Я оставила машину в полукилометре, в густом подлеске. Достала из бардачка фонарик, проверила телефон – заряд был почти на нуле, как всегда, в самый неподходящий момент. Поправила куртку, которая всегда была у меня в машине на заднем сидении, на всякий случай, натянула капюшон и шагнула в чащу.

Лес ночью – не самое приятное место, особенно когда не знаешь, какое зло бродит по нему в человеческом обличье.

Но я знала этот участок как свои пять пальцев. Два дня назад здесь рухнула старая береза, проломив секцию кованого забора. Степан клялся Роману, что починит всё к выходным, но, видимо, руки не дошли. Моя удача.

Я продиралась сквозь колючий кустарник, не заботясь о том, что ветки рвут рукава. Мое сердце барабанило в такт шагам. Когда впереди показался массивный силуэт дома, я присела, прячась за разросшейся сиренью. В окнах горел свет. Роман был внутри. Должно быть, он сейчас либо пьет виски, пытаясь успокоить нервы, либо придумывает, как меня найти.

«Ищи, Ром, ищи», – усмехнулась я про себя.

Я дошла до пролома в заборе. Перемахнула через поваленный ствол березы, чувствуя, как острые сучья цепляются за джинсы. На территории усадьбы стало тише. Я двигалась тенями, вдоль живой изгороди, которую сама же и планировала. Я знала здесь каждую дорожку, каждый изгиб бордюра.

Гараж был рядом. Я знала, что у него есть боковой вход для персонала, который обычно запирали на электронный замок, но был еще один нюанс – вентиляционное окно под самой крышей, которое я сама советовала закрыть декоративной решеткой. Роман тогда отмахнулся, сказав, что «и так сойдет».

Я подтянулась на старой, разросшейся глицинии, которая обвивала стену гаража. Ствол был толстым и надежным. Скрипнула арматура. Я висела на высоте трех метров, чув-

ствуя, как сердце заходится от восторга и ледяного ужаса. Ладони скользили по холодному камню.

Спрыгнув на узкий стеллаж с садовым инвентарем внутри гаража, я едва не опрокинула банку с краской. Звук упавшей жестянки прозвучал как выстрел в тишине. Я замерла, вжавшись в бетонную стену.

Тишина. Только гул вентиляции и тяжелое дыхание... откуда-то из спецотсека- обычно ниши, но которая была сейчас превращена в тюрьму.

Я спрыгнула на бетонный пол. Мои кеды бесшумно коснулись поверхности. Внутри гаража стоял резкий запах меди, озона и застарелого пота. Я медленно двинулась к бетонной перегородке. Цепи звякнули.

Я выглянула из-за угла склада. Яр сидел на полу, привлеченный к стене. Его грудь мерно вздымалась. Он был не так опасен, как час назад. Он выглядел... сломленным?

– Эй, – прошептала я, чувствуя, как воздух вокруг меня становится электрически заряженным. – Я знаю, что ты не спишь.

Мужчина медленно поднял голову. Его глаза, все еще светящиеся в темноте, сфокусировались на мне. Он не удивился. Он просто улыбнулся – криво, больно.

– Пришла за ответами, маленькая птичка? – его голос был едва слышным шепотом, похожим на шорох змеи по листве. – Или ты пришла выпустить зверя из клетки?

– Рассказывай, – я подошла ближе, игнорируя дрожь в ко-

лениях. – Что между вами случилось? И что он с тобой сделал?

Я была оторвой до мозга костей, и сейчас, в этом проклятом гараже, напротив монстра в цепях, я чувствовала себя самой живой за всю свою жизнь. Роман думал, что я сбегу? Как же он ошибался. Я пришла за своей правдой, и мне было плевать, какой ценой она мне достанется.

Мужчина медленно приподнял голову, упираясь затылком в холодную бетонную стену. Его глаза, в которых при слабом свете ламп плясали странные, почти янтарные блики, внимательно изучали меня. Он не выглядел напуганным – скорее забавляющимся.

– Ярослав, – он произнес свое имя, растягивая гласные так, будто пробовал их на вкус. – Для тебя просто Яр. Хотя, учитывая твой визит, можешь называть меня «той самой ошибкой, которую Рома так усердно пытается скрыть».

Он дернул рукой, и тяжелая цепь, закрепленная в стене, отозвалась коротким, сухим щелчком. Я вздрогнула, но не сделала ни шагу назад.

– Хватит загадок, – бросила я, упираясь руками в пояс. Мое пальто испачкалось в мазуте, а волосы, наверное, превратились в гнездо, но мне было все равно. – Рома говорит, что ты опасен. Он говорит, что тебя нужно держать в изоляции. Ты убил кого-то? Ты болен? Что между вами двумя происходит?

Ярослав издал короткий, хриплый смешок, переходящий

в тихий кашель. На его разбитых губах снова появилась та самая самодовольная ухмылка.

– Опасен? Рома так сказал? – он склонил голову набок, разглядывая меня с интересом, от которого по спине пробежал холодок. – Знаешь, Лана, Рома всегда был мастером красивых версий. Он очень любит чистоту, порядок и... правильные картинки. Я же всегда был той помехой, которая портит его идеально выверенный мир.

– Просто ответь, – потребовала я, подаваясь вперед. – Почему он тебя избивает? Почему запирает, как животное?

– О, это старая семейная драма, – Яр сделал паузу, облизнув пересохшие губы. – Рома считает, что я потерял контроль. Что я порчу его репутацию. Он мнит себя хранителем морали и порядка. Благородный рыцарь в кашемировом свитере, чей дом – крепость, а гараж... ну, скажем, место для профилактики «неправильного поведения».

Я не выдержала и сделала еще шаг, оказавшись совсем близко.

– Ты лжешь. Он заботливый. Он... он не такой!

– Не такой? – Ярослав выгнул бровь, и в его взгляде мелькнуло что-то пугающе острое. – Милая, ты видела, как он сжимал кулаки. Ты видела этот блеск в глазах, когда он смотрел на меня. Скажи, Лана, ты действительно думаешь, что вся эта забота о тебе – это проявление любви? Или это просто еще одна форма контроля?

Его слова ударили точно в цель. Я вспомнила, как его

пальцы сжимали мое плечо в прихожей, и как холодно он отрезал: «Ты просто забудешь».

– Ты хочешь его разрушить, – догадалась я, чувствуя, как внутри закипает злость. – Ты специально провоцируешь его, чтобы я усомнилась.

– М-м, почти, – Яр прищурился. – Я просто хочу, чтобы ты поняла одну простую вещь: мы с братом гораздо ближе, чем ты думаешь. У нас с ним общие корни, общее воспитание и, если присмотреться, – он медленно обвел рукой свое тело в синяках, – почти одинаковая кровь. Разница только в том, что он успешно играет роль хорошего, а я просто перестал стараться.

Он вдруг резко подался вперед, насколько позволяли цепи, и его лицо оказалось всего в десяти сантиметрах от моего. Я почувствовала запах озона и свежей крови.

– Не спрашивай, кто мы такие, Лана. Спроси себя, почему ты до сих пор здесь, стоишь в трех метрах от человека, который может сломать тебе шею одним движением ... и почему ты, зная это, всё равно задаешь вопросы? Ты ведь такая же, как мы. Авантюристка, которая лезет в огонь, даже зная, что обожжется.

Я замерла, пораженная его пронизательностью. Он был прав. Я всегда искала острые углы, всегда лезла туда, где опасно.

– Я не такая, как вы, – выпалила я, хотя голос дрогнул.

– Правда? – он насмешливо оскалился. – Тогда почему ты

не побежала к машине, когда узнала, что я здесь? Почему ты здесь, в темноте, под носом у заботливого Романа? Признай, тебя тянет к этому безумию не меньше, чем меня.

В гараже снова слышались отдаленные шаги со стороны дома. Степан или Рома. Кто-то возвращался. Ярослав улыбнулся – уже совсем открыто и почти дружелюбно.

– Тебе пора, птичка. Иначе Рома решит, что я тебя укусил, и тогда нам обоим не поздоровится. Но поверь, это не конец нашего знакомства. У нас с тобой еще много общего, о чем Рома предпочтет молчать.

Я развернулась, чтобы бежать, но напоследок обернулась. Яр смотрел мне вслед, и в его глазах теперь уже не было ни боли, ни ярости. Там было торжество охотника.

Мои ладони, еще минуту назад ледяные от страха, теперь горели от напряжения.

Я неслась по лесной дороге, выжав из машины всё, на что она была способна. Ветви деревьев, подсвеченные фарами, проносились мимо, как острые клыки, пытаюсь достать меня, но я не видела их. Перед глазами стояло лицо Ярослава. Его странная, торжествующая ухмылка застыла в памяти.

Я стала союзником того, кто называл меня «птичкой». Звучит как начало плохого триллера, в котором я – главный расходный материал.

Машину подбрасывало на кочках, но я не снижала скорость. В салоне стоял запах бензина и чего-то еще – того самого озона, который я уловила в гараже. Меня душила дикая

смесь эмоций: ледяной ужас осознания того, куда я влезла, и странный, почти болезненный восторг от того, что я переиграла Романа. Я обвела вокруг пальца человека, которого считала невероятно умным.

– Ты не принц, Рома, – прошептала я, сжимая руль так, что костяшки пальцев побелели. – Ты просто тюремщик.

Но стоило мне выехать на асфальт, как внутри что-то надломилось. Я вдруг вспомнила, как он накрывал меня пледом. Как бережно заправлял прядь волос за ухо. Это была не игра? Или он настолько искусный актер, что я за полтора месяца не заметила ни единой трещины в его идеальной маске?

У меня к горлу подкатил ком. Каждая добрая вещь, каждое «будь осторожна» теперь казались издевкой. Его забота была клеткой. А я... я сама в нее зашла, купившись на уют и тепло.

Яр был прав в одном: я такая же, как они. Я не побежала в полицию. Я не забилась в угол, рыдая от страха. Я полезла обратно в пасть льву. Почему? Чтобы узнать правду? Или мне просто стало скучно в той безопасной идеальной жизни? Эта мысль ударила под дых.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида. Взгляд был другим – лихорадочным, диким. В гараже я впервые за долгое время почувствовала, что дышу полной грудью. Опасность. Риск. Этого мне всегда не хватало, чтобы почувствовать жизнь по-настоящему. И теперь я связана с человеком в цепях, который смотрит на меня как на добычу.

Что, если Яр такой же, как Роман? Что, если я просто поменяла одного мучителя на другого? Но я не собираюсь подпускать его к себе так близко, как подпустила Рому.

Я затормозила у обочины, когда до города оставалось всего ничего. Тишина давила на уши. Я прижала лоб к холодному пластику руля.

– Лана, ты сошла с ума, – сказала я себе в пустоту. – Ты только что стала участницей в игре, правила которой ни черта не понимаешь.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как в груди разливается адреналиновый лед. Возвращаться в свою квартиру, в свой «безопасный» мир, где теперь все казалось декорацией, было почти физически больно. Я знала, что Рома будет искать.

Я завела мотор. Впереди был пустой город, а за спиной – особняк, в котором скрывалось нечто, способное перевернуть весь мой мир. Я закусила губу до крови, подавляя остатки сомнений.

Сказка закончилась. Начался мой собственный, безумный и опасный проект. И на этот раз я сама писала план.

Глава 11

Рома

Я зашел в гараж, чувствуя, как внутри пульсирует темная, густая ярость. Каждое движение было выверенным, холодным – я не хотел сорваться, но присутствие брата действовало на нервы. Я видел, как Ярослав смотрит на меня из своей ниши, и мне хотелось стереть эту ухмылку с его разбитого лица раз и навсегда.

Степан ждал у входа. Я бросил ему короткий взгляд, давая понять, что допросы закончены, после чего направился к брату. В тот момент я еще не чувствовал, что за дверью что-то не так. Я просто хотел одного: чтобы Лана была в безопасности, в теплом доме, подальше от того, что здесь происходит. Она должна была сидеть на кухне, доедать пасту, доверять мне, любить меня – так, как это было еще час назад.

Когда я увидел ее в дверном проеме, время замедлилось, превращаясь в вязкую смолу.

Меня обдало ледяным ветром. В тот момент, когда ее глаза, полные первобытного ужаса, встретились с моими, внутри у меня что-то оборвалось. Весь мой выстроенный мир – идеальный сад, уютная усадьба, наша с ней спокойная, размеренная жизнь – рассыпался в прах за одну секунду. Я видел, как она смотрит на меня. Не как на мужчину, которого она выбрала, а как на чудовище. Этот взгляд пронзил меня

больнее, чем любой клинок.

– Лана... – вырвалось у меня, но звук застрял в горле.

Я попытался подойти к ней, но она уже рванула внутрь, встала между мной и Яром, защищая его. Защищая?! Это было безумие. Она не понимала, что творит, не понимала, что сама поставила себя под удар. Я был в такой ярости от того, что она здесь, что она видит эту грязь, что я забыл обо всем.

Когда я вынес ее из гаража, моя рубашка была мокрой от пота, я чувствовал себя так, будто пробежал марафон сквозь ад. В гостиной я опустил ее на диван, надеясь, что она просто позволит мне объяснить, хотя знал – объяснений нет. Но она вскочила. Ее голос звенел от ярости, ее слова били по самому больному.

«Я не готова строить отношения с монстром».

Когда она выбежала из дома, я бросился за ней. Я чувствовал, как земля уходит из-под ног. В голове крутилась только одна мысль: только не сейчас, только не она. Я застал ее у машины, пытался ухватиться за дверцу, умолял, хотел прижать к себе, хотел стереть из ее памяти всё, что она увидела. Я готов был на всё – даже сдать Яра, даже сжечь этот проклятый дом, лишь бы она осталась.

Но она вывернулась. В ее глазах больше не было того тепла, которое я так бережно взращивал неделями. Там была только холодная, острая ненависть.

Я смотрел, как загораются огни ее задних фар, как маши-

на превращается в далекую точку на ночной дороге. Я остался на границе своей территории, чувствуя, как тишина ночи душит меня. Весь мой контроль, вся моя власть над этой жизнью – всё оказалось бессильным перед нечестным, импульсивным поступком Ланы.

Я вернулся в дом. В гостиной пахло ее духами – легким ароматом весенних цветов. Это было невыносимо. Я подошел к бару, налил себе чистого виски, но рука дрожала.

Степан вошел в комнату, стараясь не смотреть мне в глаза.
– Хозяин, она уехала. Что нам делать? – его голос звучал как эхо.

– Искать, – проронил я, глядя в окно, в сторону непроглядного леса. – Не трогать ее, не пугать, просто следить за каждым шагом.

Я понимал, что потерял ее доверие. Но я не мог позволить ей уйти совсем. Теперь, когда она видела правду, она стала для меня самым опасным человеком на свете – и самым дорогим. Я не был монстром, я просто не знал, как еще уберечь ее от него. Он попытается отобрать ее, уничтожить, сделать мне так же больно, как сделал когда-то я.

Я сел в кресло, положив руку на рукоять пистолета, скрытого в столешнице. Сегодняшняя ночь была только началом. Она думает, что сбежала, но скоро она поймет: из этого сада не уходят просто так. Особенно, когда ты уже посадила в нем семя, которое она даже не успела заметить. Я буду ждать. Я буду следить. И я верну ее. Любой ценой. Даже если для это-

го мне придется превратить ее жизнь в такой же ад, как моя.

Я сидел в машине прямо напротив ее дома уже четыре часа. Двигатель давно остыл, салон пропитался запахом ночной сырости и моего собственного, ядовитого отчаяния. Степан доложил мне, что они потеряли ее машину где-то на выезде из промзоны – она водила как безумная, как человек, у которого нет ничего за душой. Ошибка. Я не должен был ее упускать.

Каждое окно в ее доме было темным. Я смотрел на этот фасад и вспоминал, как всего пару дней назад она смеялась, когда я помогал ей заносить тяжелые пакеты. Тогда я чувствовал себя хозяином судьбы. Сегодня я чувствовал себя тем, кем она меня назвала – монстром.

Мои пальцы бессознательно сжимали руль, оставляя на коже следы от ногтей. В голове крутилась одна и та же картина: Лана, заслоняющая собой Ярослава. Моя Лана, защищающая ту тварь, которая была способна только разрушать. Она не понимала, в какую игру ввязалась. Она думала, что это драма о любви и предательстве, но она понятия не имела об истинных масштабах того, что течет в наших венах.

Когда из-за угла дома показались фары ее машины, я не пошевелился. Сердце, казалось, пропустило удар, а затем забило с удвоенной силой, отбивая в ребра, как пойманная птица. Я видел, как она паркуется, как долго сидит внутри, не выходя. Наверное, собирается с мыслями. Плачет? Или ненавидит меня?

Она вышла из машины медленно. В тусклом свете уличного фонаря я видел ее силуэт: помятая куртка, растрепанные волосы, уверенная, почти вызывающая походка. Она не была похожа на девушку, которая только что пережила шок. Она была похожа на кого-то, кто принял решение. И от этого мне стало по-настоящему страшно. Не за себя – за нее.

Я вышел из машины. Ноги отозвались тяжестью, как будто я нес на себе груз всей этой лжи.

– Лана, – позвал я. Голос прозвучал тише, чем я хотел.

Она остановилась на полпути к подъезду. Спина напряглась – я знал, что она услышала меня, даже если не обернулась. Она медленно повернула голову. Ее лицо в полумраке казалось бледным, но глаза... в них была такая холодная, острая решимость. Она не была напугана.

– Ты следил за мной, – это был не вопрос. Это было констатацией факта, произнесенной с тем же пренебрежением, с каким она могла бы говорить о назойливом насекомом.

– Я не мог позволить тебе уехать в таком состоянии, – я сделал шаг к ней, мои руки непроизвольно потянулись вперед, но она резко отступила.

– В каком состоянии? – она криво улыбнулась. – В состоянии прозрения? Знаешь, Ром, а ведь у тебя неплохо получалось. Ужины на капоте, цветы, вот эти вот взгляды полные обожания. В какой момент ты начинал считать меня своей добычей? В первую неделю, когда мы познакомились в кофейне, или когда я впервые приехала в твой дом?

– Ты никогда не была для меня добычей, – я сказал это искренне, глядя ей прямо в глаза, пытаюсь достучаться до той девушки, которую я держал за руку под звездами. – Все, что было... каждый жест, каждая минута – это было по-настоящему.

– По-настоящему? – она рассмеялась, и этот звук полоснул меня по нервам. – Твой брат в цепях тоже «по-настоящему»? Или это тоже часть твоего плана по «улучшению отношений»?

Она стояла перед своим домом, маленькая, хрупкая, но такая непробиваемая. Я стоял перед ней, человек, у которого были ответы на любой вопрос в этом городе, и не мог найти ни одного слова, которое не сделало бы только хуже. Она знала достаточно, чтобы меня ненавидеть, но недостаточно, чтобы понять, какой груз я несу.

– Лана, пожалуйста, выслушай меня. Пойдем домой, я все объясню. Ты не должна была видеть того, что видела, – я снова сделал шаг, и на этот раз она не отступила, но ее взгляд стал ледяным.

– Объяснишь? – она сделала вызов, глядя на меня в упор. – Расскажешь мне про опасного брата или просто снова попытаешься закрыть меня в золотой клетке, где я не буду задавать лишних вопросов? Нет, Рома. Твои объяснения мне больше не нужны.

Я чувствовал, как земля уходит из-под ног. Она была так близко, что я почти чувствовал запах ее духов, но между на-

ми лежала пропасть, шире любого океана. Я приехал сюда, чтобы забрать ее, чтобы подчинить, запереть в безопасности, защитить от всего мира... Но, глядя на ее лицо, я впервые осознал: я потерял контроль. И самое страшное – мне это в ней нравилось. Даже сейчас, когда она смотрела на меня с такой чистотой ненависти, она была единственным, ради чего стоило жить.

– Я не дам тебе уйти, – тихо, но твердо произнес я.

Она лишь насмешливо вскинула бровь:

– Ты уже упустил шанс, Рома. Теперь я сама решаю, куда мне уходить.

Я смотрел на нее и понимал, что каждое мое слово только отталкивает ее дальше, в темноту этой ночи. В груди разливалась тупая, тянущая боль, которой я не испытывал никогда прежде. Вся моя жизнь, все мои выверенные действия, весь тот порядок, который я так старательно наводил в доме и в саду – всё это теряло смысл без нее. Я был готов на всё, лишь бы вернуть тот блеск в ее глазах, который я видел, когда мы сидели у камина. Мне не нужно было соперничество, мне не нужно было доминирование – мне была нужна она, единственная, кто делал меня живым.

– Лана, послушай, – я сделал еще один шаг, стараясь говорить как можно мягче, вкладывая в голос всю ту нежность, что еще теплилась внутри. – Ты – единственное, что у меня есть. Единственное, что держит меня на краю. Я совершил ошибку, когда скрывал это, я виноват в том, что впустил те-

бя в этот ад, но я не могу позволить тебе уйти. Ты не понимаешь, какая жизнь тебя ждет там, за пределами моего дома. Я не хочу причинять тебе боль – я хочу тебя защитить!

Я видел, как дрогнули ее губы. На долю секунды стена холодного безразличия, которую она выстроила между нами, дала трещину. Я подошел совсем близко, почти вплотную, не нарушая границ, лишь давая ей почувствовать свое присутствие – знакомое, родное, защищающее.

– Пожалуйста, – мой голос охрип от искреннего, почти отчаянного мольбы. – Дай мне шанс все исправить. Я прошу тебя, вернись со мной домой. Эта ночь... она была кошмаром, но мы можем вернуться к тому, что было. Мы можем забыть обо всем этом, если ты захочешь. Я сделаю всё, чтобы ты снова была счастлива. Просто... позволь мне снова быть тем человеком, на которого ты смотрела с любовью.

Я замер, боясь дышать, надеясь, что она увидит во мне не того монстра из гаража, а того мужчину, который неделями кружил вокруг нее, исполняя каждое желание. Я был готов стать на колени прямо здесь, на холодном асфальте, лишь бы вернуть ее доверие. Я не мог ее отпустить. И сейчас, глядя на ее решительное лицо, я понимал: я буду ждать ее столько, сколько потребуется, я буду добиваться ее прощения каждый день, час за часом, пока она не поймет, что мое место – только рядом с ней.

Глава 12

Лана

Взгляд Ромы... от него веяло таким отчаянием, что на секунду внутри меня что-то неприятно кольнуло. Тот самый заботливый мужчина из кофейни, тот, кто кутал меня в плед, – он сейчас стоял передо мной, и его плечи были опущены, а в глазах читалась мольба, почти болезненная.

В голове мгновенно щелкнуло: «Вот оно. Твоя точка опоры, Лана». Я поняла, что сейчас могу либо закрыть перед ним дверь навсегда, либо вытянуть из него всё – даже то, что он так старательно прятал в своем гараже.

– Хорошо, Рома, – мой голос прозвучал спокойнее, чем я ожидала. – Я попытаюсь дать тебе шанс. Но ты должен рассказать мне всё. Без загадок.

Он заметно вздрогнул, словно я разрешила ему дышать после долгой задержки. Мы поднялись ко мне. Моя квартира после его особняка казалась тесной и неудобной, но именно здесь я была хозяйкой. Рома прошел на кухню и привычно потянулся к плите.

Через десять минут на столе стояли две чашки чая. Он не суетился, двигался плавно, но я видела, как напряжены его пальцы.

– Говори, – сказала я, скрестив руки на груди. – Почему он в гараже? Почему он так выглядит?

Рома сделал долгий глоток, глядя в чашку, словно там был ответ на все вопросы мира.

– Это началось из-за трагедии, Лана. Из-за человеческой ошибки, – начал он, подняв на меня взгляд, полный горечи. – У Яра была девушка. Мы все работали на одном проекте, стройка была сложной. Произошел сбой, авария... рабочие не успели отключить оборудование. Ее больше нет.

Я затаила дыхание.

– И он винит в этом тебя? – прошептала я.

– Он уверен, что это была моя вина, – Рома горько усмехнулся. – Его разум... на фоне горя он просто сломался. Он перестал быть собой. Он сходит с ума, Лана. Он одержим мстостью, он считает, что должен забрать у меня всё, что дорого мне. Он не просто опасен, он непредсказуем. Яр может убить любого, кто встанет на его пути. Я держу его там не из жестокости, а чтобы защитить его самого и тех, кто вокруг.

– А ты? – я прищурилась, глядя ему прямо в душу. – Ты действительно ни в чем не виноват? Ты правда сделал всё, чтобы ее спасти?

Рома на мгновение закрыл глаза. Его челюсть сжалась, лицо на секунду стало тем самым жестким, каменным маской, которую я видела в гараже.

– В жизни случаются вещи, которые нельзя исправить, – уклончиво ответил он, медленно вставая и обходя стол. – Есть вещи, о которых не стоит даже вспоминать. Я сделал то, что должен был. И если бы мне пришлось выбирать снова, я

бы снова сделал то же самое.

Он остановился рядом, но не коснулся меня.

– Лана, ты видела меня в гараже. Да, я был жесток. Но ты не видела, как он смеялся, когда я пытался его остановить. Ты не видела, как он нападал на людей. Я больше не могу пустить его в мир. Он жаждет крови. Неужели ты думаешь, что я бы стал держать собственного брата в таких условиях, если бы оставался хоть какой-то другой путь?

Его голос дрожал – и, черт возьми, я почти им верила. Он не выглядел слабым, даже в своем признании он оставался хозяином положения, просто сейчас он выбрал тактику покаяния.

– Ты ведь понимаешь, почему я так бежал за тобой? – он снова потянулся к моей руке, и на этот раз я не отстранилась. – Я боюсь не за себя. Я боюсь, что он доберется до тебя, раз узнал, что ты мне дорога. Каждый день, что ты рядом с ним или даже просто на свободе в этом городе, ты под прицелом. Пожалуйста, поверь мне. Дай мне время, я все исправлю, я изолирую его так, что он никогда не причинит никому зла.

Я смотрела на него, понимая, что он мастерски обходит все острые углы. Он не сказал, что произошло в ту ночь на самом деле, он не объяснил, почему Ярослав говорит такие дикие вещи, он просто обрисовал картину несчастного, обезумевшего брата.

– Ты просто оберегаешь меня? – спросила я, стараясь максимально имитировать доверие.

– Я живу ради этого, – ответил он, и в его глазах блеснуло что-то пугающее и собственническое.

В этот момент я поняла: он не отпустит ситуацию, пока не подмял под себя каждый мой шаг. А я? Я просто кивнула, делая вид, что принимаю его версию.

– Хорошо, Ром. Я тебя услышала.

Он выдохнул с таким облегчением, словно с его плеч свалилась гора. Но я знала правду: я не купилась на его сказку.

Я чувствовала, как внутри меня, словно часовой механизм, тикает расчет. Глядя, как Рома с видимым облегчением ставит чашку на стол, я поняла: он считает, что победил. Он видит во мне доверчивую девчонку, испуганную его откровенностью, и это именно то, что мне сейчас нужно.

– Рома, – я сделала голос максимально мягким, почти уставшим, и подошла к нему, положив руку на предплечье. Его мышцы под пальцами были твердыми, как гранит, и он заметно вздрогнул. – Мне нужно время. Все это... слишком сильно для меня. Я не могу просто вернуться в поместье прямо сейчас, как будто ничего не произошло.

Он посмотрел на меня с плохо скрываемым беспокойством.

– Я понимаю, Лана. Я не тороплю тебя.

– Мне нужно прийти в себя, – я чуть опустила глаза, изображая глубокое сомнение. – Но я хочу, чтобы ты знал: я услышала тебя. Увидев его в гараже, я испугалась, но твои слова... они немного прояснили ситуацию. Хотя мне все

еще кажется, что ты чего-то не договариваешь, — я подняла взгляд и прямо посмотрела ему в глаза, провоцируя. — Например, почему ты так боишься, что я с ним заговорю? Ты ведь сказал, что он безумен. Разве безумные речи могут мне навредить?

Рома помрачнел, его взгляд стал тяжелым, изучающим. Он пытался прочесть меня, но я держала лицо, представляя, как тренируюсь перед зеркалом.

— Лана, не надо. Он мастер манипуляций. Он залезет к тебе в голову, — его голос стал жестким, предупреждающим. — Я хочу, чтобы ты была далеко от этого. Лучше вообще забудь об этом гараже.

— Хорошо, — я легко пожала плечами, делая вид, что сдаюсь. — Забуду. Но отвези меня завтра в город по делам, ладно? Мне нужно закончить проект, я не могу сидеть в четырех стенах. Ты будешь рядом, если это тебя успокоит, — я улыбнулась ему самой преданной из моих улыбок. — Я ведь теперь под твоим наблюдением, верно? Так что тебе придется повсюду возить меня за собой.

Я видела, как он борется с собой. Он не хотел меня оставлять, но мысль о том, что он будет контролировать каждый мой шаг, явно пришлась ему по душе. Это была ловушка для него, а не для меня.

— Договорились, — наконец произнес он, слегка расслабившись. — Завтра в десять я заеду. Лана... спасибо. Ты даже не представляешь, что для меня значит то, что ты не ушла.

Я проводила его до двери, сдерживая рвотный позыв от его очередной порции искренности. Когда он ушел, запирая дверь, я прислонилась к ней спиной и выдохнула.

Мозг лихорадочно работал. Если он будет возить меня с собой, значит, я буду в его особняке, буду видеть, как перемещаются Степан и охрана. Я должна выкрасть ключ, который он, наверняка, носит при себе.

Яр ждал меня. Он был единственным, кто знал, что произошло на самом деле. И теперь, когда Рома окончательно расслабился, думая, что я приручена, у меня будет шанс. Я вернусь в тот гараж, но на этот раз подготовленной.

Глава 13

Лана

Утро началось с того, что я проснулась от шума мотора под окном. Рома приехал ровно в десять, как швейцарские часы. Я стояла у окна, наблюдая, как он выходит из машины. Одет безупречно: темное пальто, высокий воротник, взгляд, устремленный на мой балкон.

Я наспех оделась, стараясь выглядеть так, будто действительно собираюсь заниматься проектом – небрежный пучок, широкий свитер, минимум косметики. Я сделала глубокий вдох, успокаивая бешено бьющееся сердце. Сейчас главное – сыграть свою роль до конца.

– Привет, – я открыла дверь, едва он успел постучать.

Рома посмотрел на меня с таким выражением, будто я была святой, сошедшей с небес.

– Доброе утро, Лана. Как ты?

– Нормально. Выспалась, – я солгала, не моргнув глазом.

– Проект не ждет, нужно забрать из мастерской несколько образцов камня. Поехали?

Всю дорогу до города он вел себя образцово: включал мою любимую музыку, спрашивал, не сильно ли дует из окна, и время от времени поглядывал на меня с этой своей ужасающей, собственнической нежностью. Он был уверен, что приручил меня. Он думал, что я испугалась его откровений и

теперь буду искать в нем защиту.

– Знаешь, – я повернулась к нему, когда мы стояли на светофоре, – я много думала о том, что ты сказал вчера про Ярослава. Это ведь ужасная нагрузка на тебя – быть его единственным тюремщиком и опекуном.

Рома сжал руль. Его скулы напряглись, выдавая скрытое раздражение.

– Это мой крест, Лана. Я справляюсь.

– Конечно справляешься, – я протянула руку и коснулась его предплечья, чувствуя, как он моментально замирает. – Но Степан... он ведь тоже много времени проводит с ним. Ты доверяешь ему настолько, чтобы оставлять их одних? Вдруг Яр его... обработает?

Я видела, как в его глазах вспыхнул огонек тревоги. Это был мой ход на доске.

– У Степана строгие инструкции, – коротко бросил Рома, но я заметила, как он нахмурился.

Весь день прошел как в тумане. Я имитировала бурную деятельность в городе, заходила в магазины, выбирала плитку, постоянно держа его в поле зрения. Я изучала его движения, следила, как он перекладывает ключи из кармана пальто в машину, как часто заглядывает в телефон.

К вечеру, когда мы подъехали обратно к его дому, я начала действовать по плану. Я нарочно оставила папку с эскизами на заднем сиденье его машины.

– Ой, черт, – я всплеснула руками, когда мы уже стояли

на пороге дома. – Я чертежи забыла в салоне. У меня там ночные наброски, они завтра нужны на сдачу.

Рома, верный своей роли идеального парня, тут же ответил:

– Я принесу. Стой здесь, на улице холодно.

– Нет, давай вместе, – я улыбнулась, беря его под руку.

Мы пошли к машине. Пока он возился с папкой на заднем сиденье, я краем глаза видела, как из дома вышел Степан – что-то доложить хозяину. Это был тот самый момент.

Я отошла на пару шагов, делая вид, что любуюсь ночным садом, и как бы невзначай оказалась у служебного входа в гараж.

Я не стала заходить внутрь – это было слишком рискованно. Я просто оставила дверь приоткрытой ровно на миллиметр, чтобы, когда наступит ночь, я могла проскользнуть внутрь, не используя лишних движений.

– Лана? – Рома окликнул меня, распрямляясь с папкой в руках.

– Иду, – я развернулась, чувствуя, как внутри все горит от адреналина.

Я подошла к нему, взяла папку, и, прежде чем он успел что-то сказать, сама прильнула к его губам в коротком, почти невинном поцелуе. В его глазах отразилось абсолютное, слепое обожание. Он был полностью мой. Он был в моей ловушке.

В воздухе повисло напряжение, которое я умело маски-

ровала небрежной улыбкой. Когда мы вошли в особняк, Рома выглядел непривычно расслабленным – победа над моим недавним сопротивлением явно пьянила его больше любого дорогого вина. Он снял пальто, повесил его на вешалку и, обернувшись, посмотрел на меня с той самой нежностью, от которой меня всё ещё тошнило.

– Лана, ты уверена, что хочешь работать над чертежами сейчас? – спросил он, подходя ближе. – Может, лучше отдохнем? Я распорядюсь, чтобы накрыли ужин в библиотеке.

– Мне нужно закончить это сегодня, Рома, – я сделала шаг назад, сохраняя вежливую дистанцию. – Сам понимаешь, сроки горят. Иди, я скоро приду.

Он замаялся, не желая выпускать меня из виду, но в дверях показался Степан. Управляющий коротко кивнул хозяину, и Рома, недовольно поджав губы, последовал за ним в кабинет для каких-то дел. Это был мой шанс.

Я быстро направилась в гостевую комнату, где оставила свою сумку, но стоило мне закрыть за собой дверь, как я рванула назад, в коридор, ведущий к гаражу. Сердце колотилось в горле, но руки, как ни странно, работали четко и без дрожи. Я двигалась по теньям, мимо широких окон холла, стараясь не попадаться на глаза прислуге.

Добравшись до бокового входа в гараж, я вспомнила тот самый миллиметр, на который оставила дверь приоткрытой. Я надавила на металл – плотно бесшумно подалось внутрь. Внутри царила давящая, застоявшаяся тишина. Свет ламп

был приглушен до минимума, оставляя углы утопленными в вязком мраке. Я прошла мимо машин, стараясь ступать на цыпочках, пока не добралась до бетонного отсека. Там пахло железом и сыростью.

Ярослав сидел в той же позе, что и вчера. Он не спал. Его горящие глаза тут же нашли меня в темноте. Он прислонился к стене, и цепи негромко звякнули – звук, от которого у меня перехватило дыхание.

– Птичка вернулась, – прохрипел он, едва шевеля губами. В его голосе не было издевки, лишь странная, давящая серьезность. – Ты играешь с огнем, Лана. Рома уже начал чувствовать запах дыма.

– Заткнись, – прошептала я, озираясь на дверь. – Говори быстро. Рома утверждает, что ты поехал головой после смерти возлюбленной, которую ты не сберег на стройке. В чем на самом деле причина того, что ты здесь? Почему он так боится тебя отпустить?

Ярослав подался вперед, насколько позволяла сталь. На его лице отразилось некое подобие горькой жалости.

– Стройка? – он издал звук, который можно было назвать коротким, надрывным смешком. – Рома любит сказки со счастливым концом, где он – герой, а мир – просто декорации. Это не была стройка, Лана. Он боится не только моего гнева. Он боится, что ты увидишь... его истинное лицо, когда спадет этот театральный грим заботливого парня.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается от холодного

предчувствия.

– О чем ты? – мой голос сорвался на шепот.

– Рома не скрывает меня, потому что я опасен, – Ярослав медленно поднял руки, демонстрируя тяжелые браслеты на запястьях. – Он прячет меня, чтобы я не рассказал тебе, за чей счет он построил этот сад и дом. И дело не в деньгах, Лана. Дело в том, чьей кровью он поливает свои цветы.

Я хотела спросить еще что-то, но из глубины гаража до меня резкий, раздраженный звук шагов. Степан. Он возвращался раньше, чем я рассчитывала.

– Беги, – скомандовал Ярослав, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на реальное беспокойство. — Просто будь осторожна. Рома не умеет проигрывать, и он точно не умеет делиться тем, что считает своим. Особенно тобой.

В тот момент, когда я услышала размеренные, тяжелые шаги Романа в коридоре, ведущем к гаражу, внутри всё похолодело. Я не стала дожидаться, пока дверь откроется. Одним плавным, отработанным движением я отпрянула назад, вплотную прижавшись к бетонной стене, и юркнула в узкий проход между стеллажами с инструментом.

Затаив дыхание, я наблюдала через щель, как Роман вошел внутрь. Он не выглядел рассерженным или подозрительным – он выглядел пугающе спокойным. Он просто прошел к пульту, что-то проверил, затем на секунду задержался у ниши, словно принохиваясь, и снова вышел. Его спокойствие

было страшнее любой ярости – это был жесткий контроль человека, который считает, что владеет ситуацией на сто процентов.

Я дождалась, пока звук его шагов окончательно стихнет в глубине поместья, и только потом позволила себе выдохнуть. Моих рук не было видно, но я чувствовала, как внутри них дрожит каждая жилка.

Выход из гаража занял у меня не больше минуты. Я двигалась как тень, зная каждый выступ на полу и каждый неровный стык плитки. Выбравшись на задний двор, я не побежала. Я заставила себя идти размеренным, уверенным шагом. В конце концов, я – гостя, я имею право на прогулку в ночном саду, который сама же и спроектировала.

Когда я вошла в гостиную, Роман как раз наливал виски в массивный хрустальный бокал. Его лицо было расслаблено, он выглядел так, будто только что закончил все дела. Он поднял на меня взгляд, и я, собрав всю волю в кулак, выдавила из себя легкую, слегка сочувствующую улыбку.

– Устала бродить, – произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вдохнула немного свежего воздуха. Знаешь, после того, что ты мне рассказал, мне нужно время, чтобы всё осмыслить.

Он подошел ко мне и осторожно взял за плечи, глядя мне в глаза. Его хватка была мягкой, почти отеческой, но я кожей чувствовала собственнический подтекст.

– Ты права, – сказал он тихо. – Давай забудем о делах на

сегодня. Мы просто побудем вдвоем.

Я кивнула, позволяя ему усадить себя в кресло. Я была смирной, послушной, идеальной, пока в моей голове одна за другой выстраивались версии того, что я только что услышала от Ярослава.

«Никакой стройки».

Я смотрела, как Роман пьет виски, как красиво падает свет от камина на его лицо, и понимала – всё это ложь. Каждая его улыбка, каждое касание, каждая фраза о защите – сплошной фасад. Но если он так сильно боится, что тайна выйдет наружу, значит, это самое уязвимое место в его броне, и значит там действительно произошло что-то ужасное.

Я должна была найти доказательства. Мне было плевать на опасность, плевать на то, что он может сделать, если поймает меня. Во мне проснулась какая-то дикая, почти первобытная тяга к правде.

Он начал что-то рассказывать о планах на выходные, его голос убаюкивал, но я почти не слушала. Я рассматривала его руки – сильные, уверенные руки, которые могли укрывать пледом и которые могли сжимать горло до хрипа.

Я буду играть по его правилам. Буду завтракать с ним, обсуждать детали сада, улыбаться, когда он касается моей щеки. Но каждой ночью, когда он будет уверен, что я сплю, я буду рыть глубже. Я узнаю, чья кровь на самом деле пропитала землю этого имения. И когда правда вскрыется, Роман поймет: я не та, кого можно просто запереть в золотой клет-

ке и заставить верить в красивые сказки.

Ночь прошла в лихорадочном полусне. Каждый шорох в коридоре заставлял меня вздрагивать, но я заставляла себя дышать ровно, чувствуя спиной жесткое присутствие Романа в кровати рядом. Он был на удивление спокоен, почти нежен. Его рука, тяжелая и горячая, покоилась на моей талии, словно он боялся, что я испарюсь, стоит ему разжать пальцы. В этом жесте было столько собственничества, что у меня внутри все переворачивалось от ярости, но я не шелохнулась. Я была идеальной актрисой.

Утром он уехал по делам, оставив меня под присмотром Степана и негласным запретом покидать территорию особняка. «Так будет безопаснее для тебя, пока я не решу вопрос с Яром», – сказал он перед уходом, поцеловав меня в висок. Его губы были прохладными, а взгляд – таким искренним, что в какой-то миг я едва не поверила в этот спектакль.

Как только машина Романа скрылась за поворотом, я поняла: времени на раскачку нет. Степан был тенью – он всегда находился где-то рядом, но не навязчиво. Он был обучен следить, но не нападать.

Я вышла в сад. Солнце заливало его ярким, безжалостным светом, подчеркивая совершенство каждой аллеи, каждой подстриженной живой изгороди. «Филигранная работа», – подумала я, вспоминая слова Ярослава про то, что этот сад полит чужой кровью. Я начала работу: с папкой чертежей в руках я обходила периметр, делая вид, что проверяю состо-

ание грунта для моих будущих посадок.

Степан следовал за мной на расстоянии двадцати шагов.

– Вам помочь с замерами, Лана Николаевна? – спросил он, его голос был сухим и бесстрастным.

– Нет, Степан, спасибо. Мне нужно побыть одной, чтобы настроиться. Творчество не терпит суеты, – я бросила на него самую обезоруживающую улыбку, на которую была способна.

Он коротко кивнул и остановился у ротонды, закурив. Этого хватало. Я направилась к северной части участка, туда, где старые вековые дубы создавали густую тень. Именно там, согласно моим планам, должна была проходить дренажная система. Я знала, что глубоко под землей лежат коммуникации, но Ярослав говорил о чем-то другом. О чем-то, что спрятано лучше, чем любой сейф.

Я опустилась на корточки, якобы рассматривая качество дерна, и пальцами нащупала край металлической крышки, замаскированной искусственным камнем. Это был один из люков технического доступа. Я знала, что он должен быть заперт на ключ, но когда я потянула за край, крышка поддавалась. Кто-то – возможно, сам Роман в спешке – не защелкнул его до конца.

В нос ударил запах сырости и чего-то сладковато-гнилостного. Включив фонарик на телефоне, я заглянула внутрь. Там вела вниз короткая металлическая лестница. Это была не просто канализация. Стены были выложены кирпичом,

старым, покрытым белесым налетом.

Я спустилась на две ступеньки, когда услышала шаги Степана. Он шел сюда. Сердце пропустило удар. Я быстро прикрыла люк, оставив щель в пару миллиметров, и села на землю, привалившись спиной к дереву, будто просто отдыхала в тени.

– Вы нашли подходящее место для кустарников? – Степан возник из-за кустов как из пустоты. Его взгляд метнулся к люку, но я успела бросить туда горсть земли и прикрыть ее куском коры.

– Почти, – сказала я, стараясь, чтобы мой пульс не отражался в голосе. – Но здесь слишком влажно. Думаю, мне нужно будет спуститься и проверить состояние коллектора, чтобы понять, не будет ли застоя воды.

Степан нахмурился.

– Не стоит. Хозяин запретил приближаться к техническим зонам без его ведома. Это опасно.

– Опасно? – я рассмеялась, делая вид, что это кажется мне забавным. – Степан, там всего лишь трубы. Или ты боишься, что я перегрызу кабель?

Он промолчал, но его глаза сузились. В них я увидела тень подозрения. Он не верил мне.

– Я принесу воды, – сказал он, разворачиваясь. – Вы выглядите бледной, Лана Николаевна.

– Спасибо, – выдохнула я, дождавшись, пока он уйдет.

Когда его шаги стихли, я снова бросилась к люку. Если

внизу есть доступ к коммуникациям, значит, должна быть карта старого поместья. И если Роман здесь что-то прячет, то вход в это «что-то» наверняка идет отсюда. Я должна была спуститься. Сегодня ночью. Теперь я знала, где искать ответ на вопрос, кем была та женщина и почему Ярослав так ненавидит своего брата. Я была готова рискнуть всем, чтобы увидеть, что скрывается под этим идеальным, цветущим садом.

Глава 14

Лана

Мысль о том, что Рома решит вопрос с Ярославом, не давала мне покоя весь остаток дня. Я слонялась по дому, как призрак, постоянно ловя на себе внимательный, почти сканирующий взгляд Степана. В голове крутилось одно: «решить вопрос» – это эвфемизм. Значит, Рома либо собирает-ся его убить, либо перевезти в место, откуда никто не возвращается.

Мое сердце сжималось от ужаса. Я ведь видела глаза Ярослава – в них была боль, но не было той холодной расчетливой жестокости, которая сквозила в каждом жесте Романа. То, что творил Рома, было пыткой. Незаконным удержанием. Это было преступлением, за которое он должен ответить по закону. Если Яр действительно настолько опасен, как они оба утверждают, то пусть его лечат врачи или изолируют государственные службы, а не частный палач, который строит себе красивый сад на костях прошлого.

«Я не позволю этому случиться», – твердо решила я, стискивая зубы до боли.

Ночь наступила медленно. Рома вернулся поздно, уставший, с темными тенями под глазами. Он снова искал во мне опору, снова смотрел на меня так, будто я – единственное светлое пятно в его жизни.

– Все к лучшему, Лана, – бросил он, наливая себе крепкий чай. – Завтра ночью мы закончим с этим. Больше никто не будет омрачать наш покой.

У меня внутри всё похолодело. Завтра ночью. У меня оставалось меньше суток.

Я дождалась, когда в доме погаснет свет. Рома уснул быстро, измученный своими делами. Его рука, как обычно, лежала на моем бедре, тяжелая, словно цепь. Я аккуратно, миллиметр за миллиметром, отодвинула ее. Каждый шорох простыней казался мне громом среди ночи.

Когда я выбралась из постели, пот градом катился по спине. Я надела темную одежду, взяла ту самую связку ключей, которую удалось стянуть у Романа.

На этот раз я не стала играть в прятки с садом. Я пошла к служебному входу, зная, что в два ночи охранная смена Степана делает обход периметра, оставляя гаражный комплекс без прямого надзора на десять минут.

Я подошла к двери, руки тряслись так, что ключ дрожал в замочной скважине. *Щелк.*

Я внутри. Запах меди и озона ударил в нос еще сильнее, чем вчера. Я не стала включать даже фонарик телефона – знала планировку наизусть. Дойдя до бетонного отсека, я замерла, прислушиваясь. Слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание Ярослава.

– Яр? – шепотом позвала я.

Он дернулся, звякнув цепями. В темноте блеснули его

желтоватые глаза.

– Лана? Ты с ума сошла... Уходи, если хочешь выжить.

– Нет. Я тебя вытащу, – я нащупала замок на его запястье. Ключ подошел идеально. Раздался сухой, тяжелый щелчок, и металлическое кольцо разжалось. Ярослав охнул, когда онемевшая рука упала плетью. – Мы вызовем полицию. Есть специальное отделение, они занимаются такими делами. Ты не должен здесь гнить.

Ярослав медленно поднялся, потирая запястья. Он выглядел крупнее, чем мне казалось раньше. В тусклом свете из коридора его лицо казалось хищной маской.

– Полиция? – он горько усмехнулся, и в этом звуке было столько безнадежности, что мне стало страшно. – Ты правда думаешь, что закон, который ты знаешь, имеет хоть какое-то отношение к моей семье? Рома купил этот город еще до того, как ты родилась, Лана. Но... хорошо. Если ты так хочешь поиграть в спасителя – давай. Но учти: как только эти цепи упадут, ты перестанешь быть для него любимой женщиной.

Я уже открывала второй замок на ноге, когда услышала в коридоре звук тяжелых шагов. Не Степан. Степан ходил бесшумно. Это был Рома. И он не обходил периметр. Он шел сюда, точно зная, что увидит.

– Беги через вентиляцию, – прошипел Ярослав, толкая меня в сторону стеллажей. – Я прикрою!

– Я не оставлю тебя! – крикнула я, но он схватил меня за плечи, и в его хватке было столько дикой, нечеловеческой

силы, что я поняла – он действительно *другой* .

– Иди, – прорычал он, и его голос изменился, стал ниже, горловым. – Ты не должна видеть то, что сейчас здесь начнется.

Дверь с грохотом распахнулась. В проеме стоял Роман – в его глазах не было привычного тепла, только ледяное потрясение. Он застыл на секунду, глядя на то, как замок на ноге Ярослава с лязгом падает на бетон.

– Лана, нет! – его голос прозвучал как хриплый выдох.

Но Ярослав действовал молниеносно. Он рванулся вперед, сбрасывая остатки цепей, и, вложив всю свою накипевшую за эти дни ярость, сбил брата с ног. Они покатались по полу, тяжело дыша.

– Беги! – рявкнул Яр, не оборачиваясь. В его голосе сквозила такая животная угроза, что я не смогла пошевелиться.

– Яр, хватит! – закричала я, но он снова толкнул меня, на этот раз к узкому техническому проходу.

– Уходи сейчас, или он закроет нас обоих навсегда! – его голос сорвался на рык.

Я поняла: если я останусь, я только помешаю. Я бросилась в темноту вентиляционного лаза, чувствуя, как острые края металла царапают плечи. Ползла на ощупь, задыхаясь от пыли и собственного безумного страха, пока не выбралась наружу, в ночной сад.

Я понеслась к машине, не оглядываясь. Когда двигатель взревел, я на доли секунды замерла, вглядываясь в окна

особняка. Там было тихо. Никаких криков, никаких сирен. Только свет фонарей, безмятежно освещающий идеальные дорожки сада, который я с такой любовью проектировала.

Я вырулила на дорогу, руки мелко дрожали на руле. Мысли путались в липкий клубок: «Что он с ним сделает? Сможет ли Рома просто поговорить?». Я отчаянно хотела верить, что это лишь ссора, пусть и жестокая, пусть и скрытая за стенами гаража. Рома был влиятельным мужчиной, он привык держать всё под контролем, но он не был убийцей. Он не мог быть им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.